

ЛАРРИ БЕЙНХАРТ

18+

ХВОСТ ВИЛЯЕТ СОБАКОЙ

Ларри Бейнхарт

Хвост виляет собакой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69973432

Хвост виляет собакой:
ISBN 978-5-04-195630-1

Аннотация

Ларри Бейнхарт – американский писатель, известный как автор политических и детективных романов. По его книге «Хвост виляет собакой» («Американский герой») в 1997 году режиссер Ларри Левисон снял фильм «Плутовство», который был номинирован на Оскар.

Советник Белого дома Ли Этуотер умирает. Но он не думает о смерти, а разрабатывает хитроумный план по победе на выборах президента Буша-старшего. А помочь в этом должен... Голливуд.

Развязывание фиктивного военного конфликта, теории заговоров, нанятые актеры, реальная история операции «Буря в пустыне» делают эту книгу непревзойденным шедевром политической сатиры.

А еще поддержка СМИ, от которых зависит выигрыш президента на выборах и победа в «войне», которой не существует.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие от российского издателя	5
Глава первая	17
Глава вторая	27
Глава третья	49
Глава четвертая	54
Глава пятая	58
Глава шестая	77
Глава седьмая	85
Глава восьмая	88
Глава девятая	92
Глава десятая	101
Глава одиннадцатая	115
Глава двенадцатая	123
Глава тринадцатая	141
Глава четырнадцатая	160
Глава пятнадцатая	174
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Ларри Бейнхарт

Хвост виляет собакой

© Симагина А.В., перевод на русский язык, 2024

© Бортник В., иллюстрации, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

WAG THE DOG: A Novel by

Larry Beinhart

© 1995, 2004 by Larry Beinhart

Предисловие от российского издателя

В то время как весь мир на протяжении столетий ломает голову над вопросом «Отчего вымерли динозавры?», физиологи морщат мозг над вопросом «Как они выжили?».

Доктор биологических наук, профессор МГУ Чепурнов С. А.

Итак, время 6:10 утра. Сегодня воскресенье. Завтра сдавать окончательный вариант предисловия, о котором меня не только попросил очень близкий и дорогой человек, но и, как оказалось после прочтения, к которому подвела вся предыдущая жизнь. А у меня, словно у привыкшего к автоматам за болтовню студента перед сдачей курсовой работы, — ни строчки...

Необходимые пояснения:

Книга планировалась к выпуску год назад, однако, после всем известных событий, с ней не связанных, но возможных к сличению с теми, что происходили задолго до настоящих дней в США, по невообразимости описанных в сугубо политическом и гротескном контексте, не только не дошла до печати, но, по зрелому размышлению издателя, даже до пе-

ревода.

Учитывая политическую остроту вопросов, актуализируемых в книге, а также трагикомичность фильма с совершенно некорректной и негативной по последствиям трансформацией «Wag The Dog» в «Плутовство» (доступной по смыслу разве что русскоязычному специалисту в сравнительной лингвистике, погруженному в дебри этимологической связи греческой грамматики, римского права и творчества компании «Дисней»), за год очередь из рецензентов и переводчиков заметно поредела. Сойдя на нет, судя по всему, к тому времени, как издателя стали поджимать сроки реализации международного контракта.

К настоящему моменту политическая атмосфера стала более-менее однозначной, и военную операцию на Украине и новых российских территориях никто уже не сможет называть мнимыми. Я же расстался с миром рекламы и, полагая, что книга в той или иной степени повторяет фильм, дал согласие на написание данного предисловия. Благо, жизненного и профессионального опыта хватает: жизнь без родителей; военное училище; ведомственное юридическое образование; государственная служба; профайлинг; психологическое образование, создание и руководство уникальным по своему имиджу и успешности рекламным агентством, за 16 лет не нанявшим ни одного профессионала и даже менеджера по продажам; разработка методологии селективного образования digital-маркетологов на основе типирования лич-

ности кандидата; наконец, уход из прикладного маркетинга с целью создания профессионального сообщества; основание в Москве и Крыму центров притяжения для digital-специалистов, желающих повысить свой витальный и профессиональный уровень, – не только позволяют сыграть эту роль, но и обязывают ее исполнить.

Ох, как я заблуждался...

С самого начала работы над текстом перед моим воображением возникали настолько амбивалентные и между тем абсолютно совпадающие с реальностью образы, что даже простое прочтение требовало существенных усилий, чтобы не усомниться в качестве перевода. Ведь в сложившихся обстоятельствах любое, даже на первый взгляд несущественное, искажение может иметь далеко идущие последствия не только для издателя, переводчика или даже меня и моих близких, но и для читателя. Ведь запутавшись в ситуативных параллелях, можно сложить некорректное представление не только о геополитической ситуации в стране и мире, но и об одном из величайших произведений мировой литературы нового столетия.

Итак, фильм и книга – это совершенно разные явления не только природы, но и искусства. Как Саурон и Кольцо: один – «Самый Главный» и «Всевидящее Око», другое – вроде как «Драгоценность», но без затрат и усилий, зачастую несовместимых с целесообразностью, не покрасуешься. Однако для точной аналогии этот образ все-таки не подходит...

Прекрасный лотос, растущий на смертельном болоте, распускающийся днем и скрывающийся ночью. Съедобный и ядовитый. Везде растущий и охраняемый как исчезающий. Разрешенный и запрещенный. Но самое главное – сочетающийся в себе, как и любая чрезвычайная красота, элементы вопиющего уродства. Ведь даже на основании международных исследований было установлено, что вид семенных коробочек лотоса вызывает трипофобию – одну из самых сильных бессознательных рефлекторных реакций организма человека, основанных на «примитивной части его мозга, которая связывает образ с чем-то опасным»¹.

Приведенный ниже текст, несмотря на то что полностью заимствован из представленного вниманию читателя романа, никакого представления о содержании, действующих лицах, сюжетных поворотах или даже времени и месте действия не составляет. Цель его тизерная.

Да простит меня издатель за столь грубое вмешательство в его скрупулезный труд.

В этом мире приличие, вежливость, пунктуальность, честность и искреннее уважение не были инструментами для достижения успеха. Он сомневался, что такой мир вообще существовал где-либо и когда-либо. Сейчас силой считалось знание, даже украденное – особенно украденное. Сейчас ты говоришь людям то,

¹

Источник:

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D1%8F>

%D0%A2%D1%80%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D1%84%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D1%8F

что они хотят услышать: не правду – она никому не нужна. Правду можешь рассказывать самому себе, если тебе нравятся кривые и уродливые зеркала...

Оттягивание удовольствия было важнейшей заповедью как цивилизации в целом, так и отдельных людей. Конечно, именно сила воли была причиной превосходства. Нельзя есть десерт, пока не заслужишь его. Нельзя тратить деньги, которых ты еще не заработал. Нельзя получать удовольствие, пока не станешь выше своих желаний и не сможешь это доказать.

Наши личные кабинеты и телефоны прослушиваются. Мы яркий пример жизни под тотальным управленческим контролем.

Когда вы смотрите в глаза женщине, которую хотите больше, чем стоило бы. Я говорю не просто о жажде секса. Я говорю о голоде, лютом голоде. Она открывает перед тобой глаза, и они говорят: «Смотри в нас». Даже если она актриса, и умом ты понимаешь, что ей платят 1,3 миллиона долларов за картину плюс проценты, чтобы она делала на камеру именно это. Твои собственные глаза могут стать окном в твою душу, и она увидит, кто ты такой на самом деле, и ты окажешься у нее на крючке.

«Он хорошо знал Библию и был знаком с классическими языческими мифами. Что-то в его душе откликалось на древние предупреждения. Ничего ужасного не случилось, но ничего хорошего тоже. Не было ничего ужасно плохого, но было очень много не

очень хорошего».

Большинство людей либо лишены способности мыслить, либо слишком ленивы, чтобы использовать эту способность. Они окутывают себя туманом общепринятой морали и заменяют обдуманнные реакции чувствами. Он отказывался быть таким калекой.

Он находился на том этапе жизни, когда ему не помешала бы лесть или что-то в этом роде. Все, чего он хотел, – это одна настоящая любовь. Не навсегда. Только на время.

– Чего ты боишься? Что кто-то скажет, что ты прокладываешь себе путь на вершину? В этом городе это комплимент. Так и должно быть, потому что трахаются все, но чертовски мало кто делает это достаточно хорошо, чтобы добраться до вершины.

Это и побудило его сделать звонок. Ему нужны были перемены. Любые перемены.

Еще ближе.

Я отстаю на пару метров. Вдруг вижу прямо под ногой впередистоящего проволоку. Время останавливается. Я знаю, что проволока подключена к гранате. Еще я знаю, что граната принадлежит патрулю вьетнамской армии, таким же убийцам, как мы, и все мы находимся внутри штуки, которая живет сама по себе, как огромный зверь, имя которому – война. С этого момента все навсегда изменилось.

Война – это не что иное, как ложь.

Стоп.

Несмотря на внушительные размеры, он выглядел мягким – как и многие сотрудники ЦРУ. Толще в талии, чем в груди, шире в бедрах, чем в плечах. Волосы как из парикмахерской. По воскресеньям он предпочитал переодеваться в клетчатые рубашки и жарить барбекю. Мягкий, обычный. Но это не значило, что он не способен отдать приказ об увольнении или, при других обстоятельствах, об устранении. Ему приходилось делать и то и другое.

Ты не понимаешь, кто мы такие. Мы носим дешевые костюмы, ведем себя скромно, и любой, у кого есть пара тысяч, может нанять нас. Но почти все в нашей компании – сотрудники ФБР, ЦРУ, полицейские, военные. Почти все мы служили. Те из нас, кто постарше, прошли Вьетнам. *Мы выжили в мясорубке. Мы носили M-16, кидали гранаты и устанавливали мины. Мы видели, как умирали и страдали наши друзья. Не надо нас недооценивать. Только глупый человек вступает в спор. Умный маневрирует так, чтобы в стычке не было необходимости.*

Представьте себе, что вы прыгаете вверх и вниз со словами: «Мы серьезные люди, отнеситесь к нам серьезно».

То, что он убивает лицом к лицу, глядя в глаза человеку, который собирается умереть, не говорит о том, что для него жизнь ничего не стоит. Это говорит о том, что он безжалостно честен. Инструкторы боевых искусств верят в то, что боль – это учитель. Как и инструкторы морской пехоты. И многие

родители.

Он не собирался просто выкинуть деньги. Если бы он это сделал, они бы отнесли к нему как проститутка к клиенту: содрали бы много денег при минимальных усилиях и без всякого участия. Он же был настроен на выстраивание отношений. Он исследовал и изучал людей, с которыми хотел иметь дело.

– Сэр, – сказал он, подняв правую руку и дотронувшись кончиками пальцев до брови в знак приветствия, – вы оказываете мне большую честь, предоставив мне возможность служить вам и моей стране. Благодарю вас, сэр.

Назад.

– А война – это хорошая работа, Джо?

– Да, самая лучшая.

– Если бы у тебя был сын, ты бы так его воспитывал?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты бы стал бить его до тех пор, пока он не стал бы достаточно сильным, чтобы дать сдачи?

«Военные дела имеют величайшее значение для страны, ибо от них зависит жизнь или смерть, выживание или уничтожение. Высшая позиционная стратегия – это отсутствие видимой позиции».

Танки пересекают неохраняемую границу. Этому нет оправдания ни в морали, ни в международном праве. Захватчики – грубые люди. Они совершают УБИЙСТВА, убивают женщин и детей, крадут

имущество. Их лидер – это ГИТЛЕР. Новый Гитлер.

«Цель войны – улучшение состояния мира. Поэтому необходимо вести войну с постоянной оглядкой на мир, которого вы желаете. Победа в истинном смысле подразумевает, что состояние мира и вашего народа после войны будет лучше, чем до нее».

Заново.

Теперь ей нужно знать: как выглядит человек, чей пенис побывал внутри настоящей кинозвезды?

Последствия были настолько интеллектуально вызывающими, что он мог бы повернуться к своим родителям и сказать: «Эй, вы, ублюдки, посмотрите на меня, у меня все получается, мне не нужно, чтобы вы любили меня, и я никогда, никогда больше не буду любить вас».

Но он был уверен, что лицо его отца должно было выглядеть так же, как лица в фильме. Такие необычайно обычные. Небритые. Курящие сигареты. Готовые отдать жизнь за чашку кофе. Мечтающие хоть об одном свежем овоще, кусочке лука, ванне.) Мужчины шли в бой.

Именно это качество, это ощущение работы без страховки, заряжало магией ее актерскую игру. Не ремесло, не скулы, не сиськи, а смелость. Смелость быть уродливой, грубой, жалкой, глупой, испуганной, властной, порочной, сухой, дрянью, недоτροгой, святой. Смелость найти в воздухе леску, на которой невозможно устоять, и устоять на ней.

«Я рад, что все закончилось. Я вышел оттуда живым

и неведимым и собираюсь прожить остаток своей жизни спокойно и мирно». Многие люди вернулись не такими. Многие вернулись с мыслью, что мир – это унитаз, и я собираюсь в него насрать. Или хватай все, что можешь, как только можешь, потому что кто-то идет. Или я пошел и сражался за вас, и теперь вы должны мне жизнь героя, и если я этого не получу, то буду дуться.

Думаю, это можно сравнить с ковырянием в носу. Ты делаешь это в присутствии других людей, только если они уже знают, что ты это делаешь.

Мне повезло. Я всегда знал, что мир – это жесткое и грязное место. Что никто не заботится о героях. Это то, что дал мне мой отец. Он не дал мне иллюзий, которые можно утратить.

Люди ненавидят тех, кто обещает больше, чем может выполнить. Начальству нравятся сотрудники, которые честно сообщают им, что и когда можно сделать, а что нельзя. Это было смешно. Боссы это ненавидят. Им нужны люди, которые могут сделать для них невозможное без споров. Именно это производит на них впечатление. Лучше не говорить. Просто делай, что можешь.

Язык фильмов был ясен. Террористы были плохими. Другой стороны истории не было. Терроризм был полезен и важен. Он позволял экономить на объяснениях. Как и в случае с нацистами, дайте парню монокль, оденьте его в кожу, покажите приветствие прямой рукой и ухмылку – и зрители уже знают, что это

злодей, и режиссер может сразу перейти к делу.

Убийство оправдано до тех пор, пока человек не получает от него удовольствия и совершает его аккуратно, желательно с безопасного расстояния: бомбардировки со сплошным поражением и зоны свободного огня во Вьетнаме были законными, а резня лицом к лицу в Сонгми – военным преступлением.

Пропаганда в Америке гораздо успешнее, чем кто-либо думает. О ее достижениях не говорят, не обсуждают, даже не думают. Даже ее невидимость – это преимущество, ведь невозможно противостоять бездействию.

Я настоящий американский герой. Серьезно. Вот кто я такой.

Тот, у кого есть маленькие дети, с большой вероятностью, как и я, будет судить о людях по тому, как они относятся к вашим детям, и по тому, что дети думают о них. Есть множество выдумок, где о характере человека судят по тому, как собака реагирует на него. Я не знаю, есть ли у собак чувство врожденной человеческой ценности, но моя дочь, которой на тот момент было три года, всегда обладала этой способностью. Это глубокое чувство, и я ему доверяю.

Итак, если шутка «Зачем Господь наградил женщин пиздой? Чтобы мужчины с ними разговаривали...» не вызывает у вас желания выпрыгивать из штанов, крича о неполиткорректности, женоненавистничестве, сексизме, Сан-

дре Дэй О'Коннор и прочее, – добро пожаловать в мир исчисления тысячелесткового лотоса или Чуда Георгия о змие...

*Александр Равен,
основатель рекламного агентства ПроКонтекст и IT-компании ContextUs*

Эта книга – художественное произведение. Имена, персонажи, места и происшествия являются плодом воображения автора либо используются в вымышленных ситуациях. Любые совпадения с реальными событиями, местами или людьми, живыми или мертвыми, случайны.

ИЛИ, КАК ВЫРАЖАЕТСЯ ТЕЛЕКОМПАНИЯ ABC ВО ВСТУПЛЕНИИ К ФИЛЬМУ «ГЕРОИ «БУРИ В ПУСТЫНЕ»:

«Данный фильм основан на реальных событиях. В нем переплетаются материалы из новостных хроник и инсценировки с актерами и реальными участниками событий. Для создания эффекта реализма между этими элементами не делается никаких различий».

Глава первая

Он считал себя реинкарнацией Макиавелли. Идеологом. Мастером интриг. Самым умным и беспощадным человеком во всей империи.

И это, безусловно, была империя. Во многом величайшая из тех, что были известны миру, однако так было запрещено выражаться в приличных политических кругах. В любом случае эта империя превосходила маленькое королевство Борджиа, жалкие владения Медичи и любой влиятельный город-государство в Италии. Поэтому сравнивать их было все равно что противопоставлять слона муравью. Независимо от политических ограничений, ее можно было сравнить только с Римом, когда Рим воплощал собой само определение империи.

А он был создателем Короля. Пускай этот Король и не проходил коронацию, он все равно руководил государством. В его распоряжении были армии, миллиарды и власть, позволяющая создавать богатства или разрушать жизни. Спящий в постели был Советником Короля. И в сущности, он добился большего, чем сам магистр Никколо Макиавелли². И хо-

² Макиавелли был вторым канцлером и секретарем Флоренции с 1498 по 1512 г. Он часто бывал посланником, хотя не был послом. Без глубоких познаний об истории того периода крайне сложно делать сравнения между властью, которой распорядился он и его духовный последователь. После того как Медичи вер-

тя он бредил – из-за смертельной болезни, сильных болеутоляющих и усыпляющих лекарств и страха неминуемой смерти, – в его мыслях не было неправды. Возможно, эти мысли стали более яркими и причудливыми, но они были проверяемы, точны и реальны. У него было бы (и было) право на те же мысли в здоровом состоянии, дома, в окружении семьи, друзей, подхалимов, попустителей, угодников, интриганов, последователей, подражателей, имитаторов, эпигонов, торговцев властью, миллиардеров, на всеамериканском барбекю 4 июля, где подавали курицу, и ребрышки, и арбуз, виски со льдом и пиво в ведерке со льдом.

– Он спит, – мягко сказала медсестра. Она была некрасивой, зато очень чистой и белой. – Может быть, скоро проснется.

Гость вопросительно посмотрел на нее.

– Вы можете подождать здесь, – сказала медсестра, указывая на стул возле кровати. – Если хотите, – немного неуверенно добавила она.

Это была не государственная больница с деспотичными предписаниями и правилами посещения, где врачи и даже простые медсестры могли указывать пациентам, их семье, друзьям или посетителям, что и когда делать, ожидая послушания.

– Он спрашивал обо мне? – спросил гость.

– Да, – ответила медсестра. – Он сказал, что это важно.

нули себе власть во Флоренции, Макиавелли больше не занимал важных постов.

Очень важно.

– Но, – тут же добавила она, – кроме этого он ничего мне не говорил, – как бы желая уверить посетителя, что знает не больше, чем ей следовало бы.

Посетитель прикинул в уме. Он был очень, очень занятым человеком. Очень занятым. Чуть ли не самым занятым в империи. Значит, так. Умиравший был его другом. Коллегой. Товарищем по победоносной команде. Гость решил, что может уделить ему десять минут. Если спящий проснется и заговорит, то миссия будет завершена. Если нет, то его долг можно считать выполненным, и он сможет уйти с чистой совестью.

Пациента звали Ли Этуотер³. Он умирал от рака мозга. Это была настолько зловещая ирония, что даже его враги сочли дурным тоном смеяться над этим⁴. А ведь враги

³ Это художественное произведение. Здесь упоминаются многие общественные деятели. Политики, знаменитости, президенты и т. д. Их действия, описанные здесь, являются плодом воображения автора и ни в коем случае не должны рассматриваться как «правда» или даже «вымышленная правда, которую нельзя рассказать иначе». Если, конечно, читатель не располагает независимыми документами, подтверждающими совпадение их реальных действий с вымышленными. То же самое верно и в отношении описания персонажей. Автор не знает ни об одном реальном человеке, упомянутом в этой книге, ничего, кроме того, что есть в открытых источниках, и даже тогда он решил обращаться с этой информацией весьма бесцеремонно – потому что это художественное произведение.

⁴ Этуотер следующим образом прокомментировал это событие в своей автобиографии «Жизнь», написанной совместно с Годдом Брюстером: «Я вспомнил правило, которое мы использовали в 88-м году: «Проникни в голову своего врага». Теперь рак использовал ее против меня».

его ненавидели. Он блестяще и разрушительно использовал инсинуации, полуправду и политические искажения, чтобы оперировать пороками американского общества, особенно расизмом⁵.

Расизм всегда был эффективен, но его применение считалось опасным и требовало квалифицированного обращения. Умиравший человек без чрезмерного самомнения был уверен, что именно он лично сделал Джорджа Буша президентом в 1988 году. Перед тем как Этуотер развернул свою кампанию, Буш отставал в опросах общественного мнения на 18 пунктов. До того как Этуотер организовал событие в СМИ, в котором Дэн Рэтер был втянут в нападение на Джорджи, чтобы вице-президент мог дать отпор, Буш имел репутацию слабака. Он с трудом мог произнести полное и связное пред-

⁵ Представитель от демократической партии Пэт Шредер называла его «самым злым человеком в Америке». Преподобный Пэт Робертсон говорил: «Ли Этуотер использовал все грязные трюки, известные человечеству» (Уильям Гридер, Rolling Stone, 12.01.1989). «Ли Этуотер, его директор по коммуникациям Марк Гудин и конгрессмен Ньют Гингрич... работали над распространением давнего необоснованного слуха [о его гомосексуальности], который был призван унижить нового спикера Палаты представителей Томаса Фоули. [Ранее он был] обвинен в распространении ложных сообщений о психическом здоровье Майкла Дукакиса». «С первых дней своей карьеры мистер Этуотер демонстрировал мастерство в использовании расовых высказываний и маневров, что было важнейшей частью усилий южных республиканцев по привлечению белых избирателей» (NY Times, 30.03.1991, некролог). Кроме того, журнал NY Times (30.04.1989) пересказывает историю – которую Этуотер всегда отрицал, – о том, что Этуотер потворствовал тому, чтобы кандидат от третьей партии использовал антисемитскую кампанию против своего главного оппонента, получая таким образом выгоду без обратной реакции.

ложение, если только оно не было написано для него заранее. Он был запятнан скандалом «Иран – контрабанды» и так далее и тому подобное – провал за провалом. Но на этой хромой кляче (если не на хромом осле) Этуотер выиграл самую большую гонку в мире.

Секунды пролетали незаметно. За окном проплывали серые облака. «Похоронная погода», – подумал посетитель. Прошло меньше минуты, а он уже начал сгорать от нетерпения. С его стороны было безумием не взять свой сотовый телефон в больничную палату. Черт возьми, безумием с его стороны было не взять с собой сотовый телефон, пару помощников и органайзер. Ли как никто понимал, насколько драгоценным было время для очень, очень занятого человека.

Этуотер продолжал думать о человеке, которого он сделал Королем и кого теперь оставлял на произвол судьбы. Буш был президентом, а Этуотер – советником, притом умирающим. Именно Буш должен был войти в историю, а Ли посчастливилось бы попасть хотя бы в примечания. Именно Буш обладал властью, а Этуотер мог лишь подсказывать, как ее следует использовать. Отбросив все лишнее, одно можно сказать точно: Этуотер все еще чувствовал довольно покровительственное отношение к Джорджу. Для политических консультантов это обычное явление. Как и в отношении адвокатов к клиентам, врачей к пациентам, продюсеров к звездам. Они считают, что клиент – это продукт, неспособный

позаботиться о себе, и его нужно направлять, инструктировать, заботиться о нем, защищать. Когда клиент делает то, что ему говорят, он преуспевает, процветает, выживает. А когда он не прислушивается к советам, то устраивает беспорядок, вредит себе, создает больше работы для куратора, независимо от того, как называется этот куратор.

У основной истории была сотня различных версий, которые проплывали, а иногда и проскакивали в голове Этуотера. Целый ряд образов. Для короля Артура он был Мерлином с волшебной палочкой в мантии и колпаке. Он был Касом Д'Амато для Майка Тайсона. Брайаном Эпштейном для «Битлз». Ливией для императора Тиберия. Его миссия заключалась не только в том, чтобы воскресить короля, но и в том, чтобы защитить его – даже из могилы. Как ангел-хранитель. Нечто большее, чем простой смертный. Дух, который может дотянуться с другой стороны. Рука, держащая огненный меч, как архангел Гавриил, спустившийся с небес... В этом было своего рода бессмертие. Если он сможет это сделать, то окажется умнее всех, сможет перехитрить саму смерть.

«Хватит об этом, – подумал человек в кресле у окна. – Я выполнил свой долг». Прошло почти три минуты. Он встал, чтобы уйти.

Этуотер молчал и не шевелился. Его послание все еще было похоронено в усталости и морфии. Его гость, проходя мимо кровати, посмотрел вниз на истощенное тело и забинтованную голову. Когда-то это лежащее создание было пере-

полнено жизненной энергией, оно было умным, задиристым, зорким на глаз и острым на язык, но теперь было раздавлено унынием и опустошенностью. Рука Этуотера под простыней казалась сжатой в кулак.

Гость не мог придумать, что сказать. О чем говорить с этим безжизненным телом? Он был не из тех, кто разговаривает с людьми в коме, используя слова для телевидения: «Да, да, да, он... (или она) слышит меня. Я точно это знаю». Для чего бы Ли его ни вызвал, ему придется подождать до второго пришествия, до рая или ада, или Вашингтона в летний зной, или куда бы там ни отправлялись мертвые политики в этом тысячелетии. Он кивнул и развернулся, чтобы выйти из комнаты.

Внутри Этуотера встрепенулся Мерлин. Словно по волшебству он вышел за пределы притупленных чувств – или, возможно, открыл портал между разумом и чувствами. Этуотер получил сообщение, что его гость прибыл.

– Джим, – прошептал он, – Джим.

Государственный секретарь Джеймс Бейкер остановился, взявшись за дверную ручку. Он повернулся. Глаза Этуотера были по-прежнему закрыты, но его дыхание участилось, а рука как будто пошевелилась.

– Ли?

– А-а-а-х, – раздался вой, хрип, призыв. Бейкер подошел к кровати. Глаза Этуотера внезапно открылись. Старый ястреб бросил взгляд, полный хитрости и самолюбия.

– Слушай, – сказал он. – Джордж...

– Джордж что?..

Бейкеру казалось, что он видит мысли Этуотера – как часовые механизмы, вращающиеся и скрещивающиеся за глазами Ли, – и то, что он, казалось, думал: «Я могу говорить все, что захочу, Бейкер не сможет использовать это против меня, потому что, хе-хе, не успеет до того, как я умру».

– Джордж – трусишка, – сказал Этуотер о президенте. – Амбициозный, коварный, мстительный, но все же... И он все испортит, Джим. Если он это сделает...

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду рейтинги, – сказал Этуотер так, как будто это было очевидно. – И если он ничего с этим не сделает, то будут перевыборы.

Было трудно представить после Рейгана, снова Рейгана, а затем Буша/Куэйла, разгромивших оппозицию, что перевыборы могут провалиться.

– Не переживай на этот счет, – сказал Джим, пытаясь успокоить, – мы позаботимся об этом, Ли.

– Это моя работа. Моя миссия.

Одна рука протянулась и вцепилась в рукав Бейкера, притянув его ближе. Дыхание Этуотера было неприятным, зловонным. «Господи Иисусе, – подумал Бейкер. – Почему ему не почистят зубы или не прополощут рот?»

– У меня есть план, – сказал Этуотер.

Другая рука, та, что поближе, высунулась из-под одеяла,

что-то сжимая. В ней оказался наполовину смятый конверт.

– Если Джорджи все провалит, открой вот это. Это – беспрюграммный вариант, стопроцентная победа на выборах.

– Что ж, спасибо, – дипломатично ответил Бейкер. – Я передам Джорджу. Он будет тронут. Даже в таком состоянии ты продолжаешь думать о нем.

– Да пошел он в жопу, – сказал Этуотер. – Я думаю о победе. Запомни, Бейкер. Есть только две вещи – победа и смерть.

Он захихикал.

– Пока не показывай это ему. И сам пока не смотри. Дождись...

– Чего?

– Пока ты не попадешь в беду и тебе это не понадобится.

– Это что, как волшебная монетка из сказки или что-то в этом роде? – спросил Бейкер.

– Типа того, – ответил Этуотер.

– Почему нельзя посмотреть сейчас?

– Потому что ты решишь... – Этуотер сделал паузу, чтобы перевести дух, – что это безумие. И испугаешься. Но это настолько разумный и логичный вариант, что ты не устоишь и попробуешь. Поторопишься...

– И что?

– И тогда это может больше не сработать.

– Как гусыня с золотым яйцом или три желания от джинна?

– Настолько же действенно, – сказал Этуотер, немного не в себе.

Он сунул конверт в руки Бейкера. Бейкер понятия не имел, что в нем могло быть.

– Это прекрасно. Президенту понравится. После того как вы поймете, что это не безумие. Вовсе не безумие.

Глава вторая

Вы можете заметить, что в этой книге две разные временные линии. Есть момент, когда две стороны этой истории встречаются друг с другом и объединяются.

Я – настоящий американский герой. Правда. Вот кто я такой. Во-первых, я – маленький человек. То есть я не имею в виду, что мне не хватает физического роста или еще чего-то. Просто я обычный парень. Не стремящийся изменить мир или стать какой-то большой шишкой. У меня нет великой цели. Я просто парень, у которого есть работа, и я стараюсь делать ее как можно лучше. А вот что это за работа – это, конечно, другой вопрос. Я – детектив. Сыщик. Частный следователь. Работа с фабрики грез. Из книг, телесериалов, фильмов. Одним словом, раскрученная. Понимаете?

Разница между мной и парнями, которых вы обычно видите в метро, в том, что я не мелкий одиночка, работающий в обшарпанной квартире над какой-нибудь химчисткой, или плейбой с «Ламборгини», который стал детективом просто по приколу. Я работаю в крупной корпорации. Не из Fortune 500, но и не слишком далеко от него. Наша штаб-квартира находится в Чикаго. У нас есть офисы в двадцати двух городах США и в четырнадцати зарубежных странах. В общем,

целый бизнес, как у Вакенхата или Пинкертона. Что бы ни понадобилось клиенту в плане безопасности, мы занимаемся этим. Системы сигнализации, бронированные автомобили, круглосуточная вооруженная охрана – все что пожелаешь. Во всей компании действует система стимулирования продаж. Например, если вы решите, что вам нужна одна из наших многочисленных услуг, я могу получить комиссионные, рассказав вам о ней, даже несмотря на то, что я следователь.

Я работаю в Лос-Анджелесе. Иногда в Голливуде. Иногда в Долине. Даже в Восточном Лос-Анджелесе, хотя и нечасто. Мы там, где деньги. Поэтому большинство наших клиентов – это корпорации. Bank of America, Gulf Oil, Toshiba, Matsushita, Hitachi, Boeing, K-Mart – с кем я только не работал. Мы, случайно, не занимаемся разводами? Подлым подглядыванием в замочные скважины? Еще как занимаемся. Но если прикинуть, мы беремся за разводы, если в них делят как минимум миллион долларов.

Сами посудите: допустим, вы решили устроить слежку за своим супругом. График будет ненормированным, ведь люди трахаются круглые сутки. Причем чаще всего они это делают в нерабочее время. Как-то я следил за парнем, жена которого думала, что он бежит по утрам. Он выбежал на улицу в четыре тридцать утра, в спортивном костюме Yves Saint Laurent и кроссовках Asics Gel III. В такую рань пробежку можно было бы скорее назвать ночной. Как говорится, «у меня встает раньше, чем встает солнце». Он возвращался до-

мой в 6–6:30, прыгал в душ, потом на работу. И что, думаете, много он пробежал? Километр, не больше. За углом его уже поджидала девица. У нее был бордовый минивэн «Додж», не шикарный, зато просторный. Прямо в нем они и делали свои делишки. Потом она отъезжала чуть дальше, чтобы он мог пробежаться до дома. Перекрыть свежим потом предыдущий. Умно. Вы удивитесь, сколько разводов начинается фразой «От него за версту несло той шлюхой».

Что-то я отвлекся. Но, думаю, вы поняли, кем и где я работаю. Я говорил о деньгах. Допустим, при разводе вы хотите установить за кем-то круглосуточную слежку. Мы выставлем счета по 60 долларов за человеко-час, плюс расходы. Это минимум 2880 долларов в день, 20 160 в неделю, 86 400 за календарный месяц. Эта сумма легко может вырасти вдвое. И это банальное ККТ. ККТ – это «Кто кого трахает». Понятно, что вы не станете тратить такие деньжищи на расследование для развода, когда между вами только пара сотен тысяч в общей собственности. Нет, речь идет о реальных деньгах.

Сколько я получаю? Около 22 долларов в час – это то, что получается с отпускными и больничными. И у нас приличная страховка: врач, стоматолог и пенсия. Говорят, это обходится компании примерно в 33 % сверх нашей зарплаты.

Это меньше, чем зарабатывают настоящие полицейские. Зато условия работы лучше. Как и компания, в которой мы работаем.

Я работаю в типичном офисном здании Лос-Анджелеса:

стеклянная коробка с тонированными окнами в центре города. Оно ничем не отличается от любого другого корпоративного здания. Абсолютно ничем. Раньше я держал в ящике стола бутылку из-под бурбона, полную чая. Просто в шутку. Чтобы можно было изображать детектива из телевизора. Я бы не стал держать в офисе настоящую выпивку, даже если бы у нас не брали мочу на анализ регулярно. Кстати, это еще одна услуга, которую мы предлагаем. Полный скрининг на наркотики всего вашего рабочего персонала или любой его части по анализу крови или мочи. Мы проверяем на алкоголь, марихуану, все опиаты, кокаин, барбитал, энфедимин. Можно проверить на все или на что-то конкретное – выбрать вам.

Офисы модульные – вместо стен перегородки. У нас обычные столы, стулья, телефоны. Лампы дневного света. Не гламурно, но и не убого. Как по мне, это плюс. Любому человеку с улицы такой офис будет знаком. Иногда обыденность может отлично освежать.

И я с самого начала хочу дать вам понять, что мне можно верить. Потому что это невероятная история. Просто нерелятивная. Я занимаюсь этим уже лет десять-пятнадцать. В одной и той же компании. Меня фотографируют два раза в год. У меня есть обязательства. Можете посмотреть список наших клиентов – это сплошь ведущие юридические фирмы, компании из списка Fortune 500, крупные студии и звукозаписывающие компании.

Я только что закончил расследование кражи ценных бумаг для одной из крупных брокерских компаний. Я сидел у себя за столом и вбивал свои рукописные заметки в базу данных компании.

И тут появилась Мэгги Кребс. Мэгги официально входит в десятку самых красивых женщин в мире. Об этом писали в журнале People. Вы знаете ее как Магдалену Лазло, кинозвезду. Я знаю ее как Мэгги Кребс, разведенку. Я помог ей получить развод и сохранить денежное состояние. Такие высокопоставленные гламурные особы, конечно, заглядывают в наши унылые офисы, но не слишком часто. Многие звезды являются продуктами труда своих агентов, визажистов, парикмахеров, костюмеров и пластических хирургов. В некотором роде продуктами нашего воображения. Но даже за кадром и в обычной одежде Мэгги сногшибательна. Когда она вошла ко мне в офис, никто не мог оторвать от нее взгляда – ни мужчины, ни женщины.

– Приветик, Джо, – говорит она. Она смотрит мне прямо в глаза, улыбается и говорит таким голосом, в котором можно услышать все что захотите, – именно так она говорила в фильме «За чертой». После такого меня можно было сбить с ног одним касанием. Я не подал виду, но думаю, она и так знала, что может сделать со мной это «Приветик, Джо». Как она могла не знать? Это ее работа – делать сильных мужчин слабыми, а слабых – сильными.

– Приветик, Мэгги, – отвечаю я. Мой голос низкий, мед-

ленный и ровный. Не потому, что я возомнил себя каким-нибудь Джоном Уэйном или кем-то в этом роде, просто пытаюсь не скрипеть как четырнадцатилетний подросток.

Она оглядывается по сторонам. Затем наклоняется вперед:

– Джо, мы можем где-нибудь поговорить?

– У нас есть конференц-зал, – отвечаю я. Мне больше не нужно напрягаться, чтобы говорить, я снова могу контролировать свой голос и дыхание.

– Слушай, Джо, – говорит она. – У тебя найдется четвертак?

– А как же.

– Так своди меня куда-нибудь на чашечку кофе.

– Мэгги, я готов сделать практически все, о чем ты меня попросишь.

А теперь позвольте мне немного объяснить этот маленький диалог. Во-первых, я описал его дословно. Это мой дар – как фотографическая память, только у меня он совсем не работает в переписке, зато я отлично запоминаю устные диалоги. Так что, когда я рассказываю вам, что такой-то сказал одно, а такой-то ответил другое, считайте, что этот разговор будто напечатан нашим отделом транскрипции прямо с аудиокассеты.

Во-вторых, обычно наша болтовня не всегда так остроумна.

В-третьих, насколько мне известно, нигде в Лос-Андже-

лесе, а может быть, и во всей Америке, нет места, где можно купить чашку кофе всего за двадцать пять центов. Было бы проще найти чашку за пять долларов. Очевидно, что Мэгги здесь просто шутит. На самом деле, как я узнал позже, обе ее реплики взяты из сценария, над которым она работала. Есть определенный шарм в том, что кинозвезда отработывает на тебе свои реплики, словно ты ее коллега по фильму. С таким воспоминанием многие парни готовы были бы лечь даже в могилу.

И наконец, кое о чем она вряд ли знала, хотя могла подозревать: все наши конференц-залы прослушиваются тщательнее, чем Белый дом при Никсоне. Все, что происходит в конференц-зале «Юниверсал Секьюрити», записывается. Аудио – понятное дело. Также доступны видеозаписи и прямая трансляция. Мы даже можем провести анализ голосового напряжения.

Наши личные кабинеты и телефоны прослушиваются, но не всегда записываются. Принцип такой: «Поступай с нами так же, как другие платят нам за то, чтобы мы поступали с их сотрудниками». Мы являемся ярким примером жизни под тотальным управленческим контролем.

Мы не стали брать мою старую развалюху и прыгнули в ее «Кадиллак». Вас может удивить, что звезда ее величины ездит на «Кэдди», но это был подарок от GM⁶. В целях ре-

⁶ GM – General Motors, крупнейшая американская автомобильная корпорация, до 2008 года на протяжении 77 лет была крупнейшим производителем автомо-

кламы. Они считают, что новый «Севилль» может конкурировать с «Мерседес», «БМВ», «Лексус» и «Инфинити». Мне машина показалась неплохой. Это был кабриолет. Мэгги сидела за рулем. Крыша была опущена. В машине она не стала со мной разговаривать, а включила радио – кантри и вестерн.

Это было ради меня. Это говорит вам, каким она обладала вкусом – и памятью. Однажды во время своего бракоразводного процесса она спросила, какую музыку я люблю. Я ответил: Хэнк Уильямс, Мерл Хаггард, Джонни Кэш, Эрнест Табб и Пэтси Клайн помогли мне пережить войну. Честное слово. Все парни в моем взводе, которые слушали рок-н-ролл, умерли. Кроме двоих. Майк Галина – он до сих пор в госпитале для ветеранов, без глаз, без ног. Пол Фредерик Хайт тоже оставил на войне части тела, разума и сердца и умер через пять лет после возвращения домой. То ли передозировка, то ли самоубийство. Кто знает. Кто рассудит. Еще выжили трое черных парней. Они тоже не слушали рок-н-ролл. Двое из них стали наркоманами, и я потерял с ними контакт. Но Стив Уэстон – он вернулся целым и невредимым. Мы с ним выпиваем время от времени. Почти не разговариваем. Просто пьем. Он слушал кантри и вестерн, как я, а еще соул, как его народ. Но больше всего он любил госпел.

Кстати, она посмотрела на меня с улыбкой и коснулась моей руки. Она припарковала машину на стоянке в квартале от пляжа в Венеции. Дальше мы пошли пешком. Она взяла меня

под руку. Я почувствовал себя высоким и красивым. На углу была модная кафешка с эспрессо и капучино, где можно было подкрепиться на свежем воздухе и поглазеть на человеческую комедию, снующую по набережной. Даже неместные знают, что Венис-Бич – это сцена, где можно увидеть человечество в самом комичном облике. Именно это место показывают во всех фильмах: девчонки на роликах в крохотных бикини, Масл-бич и все в таком духе. Когда в кино надо показать Лос-Анджелес, выбор очевиден: Венис-Бич.

Но мы идем прямо по набережной, выходим на пляж. Она приостанавливается на мгновение и снимает туфли. Интересно, это мы подражаем фильмам или фильмы снимают про нас? То есть в этом ее действии – опереться на мою руку, скинуть туфли, взять их одной рукой за ремешки – есть некая грация и даже женственность, за неимением более подходящего слова. И когда я смотрю на все это, я вижу сцену из фильма. Вы понимаете, о чем я? То ли она взяла это из тех же фильмов, что и я, то ли это один из тех типично женских поступков, которые режиссеры и актрисы стремятся запечатлеть на большом экране?

Покажите крупный план ее руки на моем плече, когда она опирается на меня.

Мы идем к месту, где шумит прибой. Она босиком, я в своих туфлях. На мне, конечно, костюм и галстук – таков дресс-код компании, если только задание не требует другого. Видите, я как будто снимаюсь с ней в моем собственном

фильме. Я представляю, что мы на свидании. Но профессионал во мне знает, что это не так. Многие клиенты водят нас в странные и необычные места, чтобы обсудить свои дела. По разным причинам. Уединение, смущение, а иногда просто потому, что они тоже воображают себя в своем собственном фильме и им нужны декорации.

У кромки воды она говорит:

– Джо, помоги мне.

– Это наша работа, – отвечаю я.

– Не ваша. Не компания. Именно ты, – возражает она.

– Расскажи мне, что случилось, – прошу я.

Я предан своей компании. Уже довольно давно. У нас есть премии за выслугу лет в дополнение к автоматическим ежегодным повышениям, у меня есть пенсионный счет, я участвую в опционной программе компании. Конечно, я не против сделать что-то в отрыве от компании. А как же.

– Пообещай мне кое-что, – говорит она.

– Что?

– Что ты прислушаешься к тому, что я скажу. Если ты не сможешь сделать это, не сказав компании, лучше забудь, что у нас вообще был этот разговор. Вернись и скажи, что сегодня первая годовщина моего развода и я хотела поблагодарить тебя. Что мы пошли выпить кофе, потому что я бросила пить. Что-нибудь в этом духе.

Я начинаю давать обещание. Так положено делать перед тем, как подвести клиента к объяснению, почему компания

обязана знать. Это утомительно, но дело обычное.

– Нет, – говорит она, – скажи это, глядя мне в глаза.

Я заглядываю ей в глаза. Я многим людям смотрел прямо в глаза. Мошенникам, психам, азартным игрокам, президентам корпораций, адвокатам. Когда кто-то говорит вам, что глаза – это окно в душу, знайте, что это чушь собачья. За исключением некоторых моментов. Например, когда вы смотрите в глаза парнишке, который вот-вот умрет и осознает это. Можно увидеть, как его душа покидает тело. Действительно, можно. Это правда. И окно закрывается. Как будто кто-то протянул руку и закрыл пару старомодных ставен. Прозрачное становится мутным. Другой пример – когда вы смотрите в глаза женщине, которую хотите больше, чем стоило бы. Я говорю не просто о жажде секса. Я говорю о голоде, лютом голоде. Она открывает перед тобой глаза, и они говорят: «Смотри в нас». Даже если она актриса, и умом ты понимаешь, что ей платят 1,3 миллиона долларов за картину плюс проценты, чтобы она делала на камеру именно это. Твои собственные глаза могут стать окном в твою душу, и она увидит, кто ты такой на самом деле, и ты окажешься у нее на крючке. Думаю, это нормально. Наверное, так задумано природой.

Я говорю ей:

– Если я не смогу этого сделать, я забуду о нашем разговоре.

– Джо, – говорит она.

– Да говори уже! – раздражаюсь я.

– Год назад я подписала контракт на съемку картины. Режиссирует Джон Линкольн Бигл. Ты знаешь его фильмы?

Я киваю. Его все знают. Даже те, кто не ходит в кино. Он как Спилберг, Лукас, Линч или Стоун.

– Нас обоих представляет RepCo⁷. Это их комплект. Режиссер, звезда, сценарист. Я прочитала сценарий. Он мне понравился. Это не какая-то ерунда. Не глупость на один вечер. Не такой фильм, где мне нужно потрясти сиськами, повилиять задницей и сделать вид, будто это мило. Этот фильм сделает из меня серьезную актрису. Именно в такой картине я должна сниматься сейчас. Прямо сейчас. Но проект закрыли.

– Ну, такое бывает, – говорю я.

– Да, бывает. Но в этот раз этого не должно было случиться. Все было готово. Команда набралась, студия была согласна, продюсера уже выбрали. Все деньги были заплачены. И вдруг фильм закрывают.

Официальное объяснение – Бигл заболел. Я в это не верю. Я практически уверена, что видела его пару раз недалеко от его дома в Напе. У него там свой виноградник. И у меня тоже. Между заключением сделки и ее отменой был момент – я увидела, как он мысленно бросил проект. На одной встрече он был очень увлечен, а потом – все. Эта картина была для него мечтой, он хотел снять ее больше всего на свете. И он

⁷ The Representation Company, Inc.

был очень заинтересован во мне.

– Как назывался фильм?

– «Пиранделло».

– Угу.

– Ты знаешь его? Он был драматургом. Из Италии. Но фильм не о нем. Это было рабочее название. Не окончательное. На следующей встрече Бигл уже мысленно отстранился. Что-то другое заботило его куда больше. А в Голливуде нет ничего, о чем бы режиссер заботился больше, чем о своей следующей картине.

Я отвечаю:

– Если он болеет, то чем? СПИД? Если парень собирается умереть, он будет переживать об этом больше, чем о своей следующей картине. Молодые парни, которые собираются умереть и знают это, переживают, что это несправедливо. Или они стараются убедить себя, что этого не произойдет. Может, это и хорошо – жить, не веря, что умрешь. Я не сильно разбираюсь в переживаниях стариков, готовящихся к смерти. При мне старики особо не умирали.

– Режиссер, который вот-вот умрет, будет переживать о фильме еще больше, – спорит она. – В конце концов, это не просто его следующий фильм, это его последний.

– Где он сейчас?

– Никто не знает.

– Я где-то читал, – говорю я, – что он работает с японцами над форматом HDTV.

– Я тоже слышала эту историю. Но это не помешало бы ему отвечать на мои звонки.

– О, так вот как у вас обстоят дела, а?

Она берет меня за руку. Мы делаем пару шагов, а затем она произносит следующую фразу:

– Когда кто-то лжет тебе, ты это знаешь.

– Да что ты?

– О, Джо, – вздыхает она и как бы прислоняется ко мне. Я в восторге от этого, я признаю.

– Я ведь женщина. Мужчины должны мне лгать. А раз я красивая женщина, мне это должно нравиться. Я живу в Голливуде, где правда – это дефект речи. Казалось бы, меня это не должно так задевать. Но я хотела сниматься в этом фильме. И кто-то отобрал у меня эту возможность. Они лгут мне о том, почему. С одной стороны, дело в деньгах. Если они отменяют фильм, потому что Бигл заболел, это попадает под пункт контракта о непреодолимых обстоятельствах. Не во всех контрактах, но в этом – да. Если они расторгают контракт, потому что Бигл передумал, или получил другой фильм, или что угодно еще, кроме цунами, землетрясения, тайфуна или войны, они должны заплатить мне огромную компенсацию за отмену.

– Сколько? – спрашиваю я ее.

– В общей сложности почти 750 000 долларов.

– Ну, – говорю я, – за такое стоит побороться.

– Джо, произошло еще кое-что. Я разозлилась. Я хотела

понять, что происходит. Что это за игра. Мой собственный агент, Бенни Хоффрау, надул меня. Я хотела узнать, что к чему. Выяснить, что для него важнее, чем я. Я пошла к Кравицу...

– Что за Кравиц?

– Дэвид Кравиц – глава PerCo. Что делает его одним из десяти, пяти, а то и трех самых влиятельных людей в этом бизнесе. Мы пообедали. Поговорили обо всем, кроме того, о чем должны были говорить. Иногда приходится действовать именно так. После еды и перед кофе он сказал мне: «Как же жаль бедного Линка...»

– Линк?

– Близкие знакомые зовут Бигла Линком. Такое прозвище. В общем, я собиралась ответить: «Да, точно. А что с ним случилось?» или что-то в этом духе. Но я не знала, что Том Круз стоит прямо позади меня. Дэвиду хотелось с ним потрепаться. Если уж на то пошло, будь я умнее, я бы тоже изобразила какой-нибудь номер, пускай даже полную незаинтересованность. Дэвид выбрал время, чтобы вставить свою фразу в разговор так, чтобы я не успела ничего ответить. Хорошо придумал, ничего не скажешь.

На следующий день после обеда с Кравицем мне звонит Бенни и предлагает новый фильм. Про трудовой фронт во времена Второй мировой войны. Я, Джина Роулэндс, Бетт Мидлер. Очень серьезный проект. Помнишь фильм «Лучшие годы нашей жизни»?

– Да, – отвечаю я. Это должно было быть ироничное название. История о трех парнях, которые ушли на войну, а когда вернулись домой, осознали, что война и была лучшими годами их жизни. О Вьетнаме фильм с таким названием ни за что бы не сняли.

– Это ремейк. С женской перспективы. Как они расцветали, несмотря на боль, пока мужчин не было рядом. Хорошая концепция, неглупый сценарий. Режиссер – женщина, Анита Эпштейн-БARR. Она неплоха. Это, конечно, не фильм Бигла, но картина все равно первоклассная. Отличный утешительный приз, чтобы отвлечь меня от мыслей о пропавшем фильме. Поэтому я отвечаю Бенни: «Огромное спасибо. Я так благодарна, я так рада, конечно же, я согласна, и кстати, а что там случилось с Джоном Линкольном Биглом и фильмом, в котором я должна была сниматься?»

Бенни говорит: «Мэгги, дорогуша, будь хорошей девочкой. Иди сниматься в картине с Мидлер и Роулэндс, это самый сильный женский актерский состав со времен “Иствикских ведьм”. Забудь о том, что тебя не касается. О тебе очень хорошо заботятся».

– И это чистая правда, – говорю я.

– Да, правда, – отвечает она. – Очень хорошо заботятся. Вообще-то слишком хорошо. Зная Бенни, если бы все было в порядке, он бы сказал...

И она стала изображать Бенни Хоффрау. Я никогда не встречал этого человека, но все равно знаю, что это идеально

точное подражание.

– «Че за херня, детка? Ну че за херня? Одна картина пропала, вот тебе другая. Работа кипит. Вот и работай давай. В этом ж весь смысл, в работе. Снимайся, получай бабки, не позорься на публике. Че за херня, а?» Так бы он и сказал, этот клоун. Это вроде как шутка, но на самом деле это его настоящее, истинное «я». Если бы это была обычная голливудская схема, если бы они просто пытались не заплатить мне за отмену съемок, он бы так и сказал.

Два дня спустя я пошла на вечеринку и немного перебрала. Бенни тоже там был. Я разговаривала с Дженис Райли, моей давней подругой. И я говорю: «Смотри, это мой агент. Он хорошо обо мне заботится, но он лжет мне. И это меня очень расстраивает. Как считаешь, зря я так?» Дженис спрашивает, о чем это я. Я рассказываю ей.

На следующий день Бенни звонит мне и просит прийти к нему в офис. Я иду. «Я же сказал тебе: забудь о фильме Бигла. Нет ничего загадочного или странного в том, что фильм отменили. Просто парень заболел. Тебе справку от его врача показать? Я уверен, что он скоро поправится. Я не знаю подробностей. И тебе не нужно знать подробностей. Ты не будешь сниматься в том фильме с Роулэндс и Мидлер. Мне жаль. И не спорь. Забудь об этом. Поезжай домой. Слетай в отпуск. Отдохни, поваляйся на солнышке, подыши свежим воздухом – понимаешь, о чем я? Забудь обо всей этой ерунде. Я пришлю тебе пару сценариев, пролистай их. Как вер-

нешься, уже начнем что-нибудь снимать».

Она заглядывает мне в глаза.

– Есть люди, которые могут сказать: «Ты больше никогда не найдешь работу в этом городе», и твоя жизнь будет кончена. Дэвид Кравиц – один из таких. Так что я заткнулась и ушла.

– Звучит разумно. Так зачем ты снова начинаешь? И при чем тут я?

– Джо, пожалуйста, дай мне закончить. И если ты решишь, что я права, то я для тебя больше, чем просто клиент.

– А кто я для тебя, Мэгги?

Она смотрит на меня. В туфлях на каблуках она выше меня. Но сейчас, когда она стоит босиком на мокром песке, ее глаза находятся на одном уровне с моими, даже на пару миллиметров ниже. Я первым отвожу взгляд.

– Лучше все-таки расскажи до конца, – говорю я.

– Ну, я оставила все как есть. Потом, три дня назад, моя горничная, Анита... Помнишь ее?

– Да.

– Она сказала: «Помните, мистер Бигл заболел, а вы не поверили?» Я отвечаю: «Я поверила», но немного с сарказмом, потому что мы обе знали, что я не верю. Она говорит: «Ну, моя сестра работает на мистера Бигла. Я завтра с ней встречусь и все узнаю».

– И что потом?

– Ее депортировали, – говорит Мэгги.

– Когда?

– На следующее же утро.

– Повезло, что на тебя не завели дело за то, что наняла на работу нелегалку.

– Она не такая, – говорит Мэгги.

– Нет? – говорю я, ничего не понимая. Хотя что тут может быть непонятного.

– Нет. У нее есть грин-карта. Социальная страховка. Все, что нужно.

– И чего ты тогда хочешь? – спрашиваю я ее.

– Я хочу понять, что происходит, – говорит она.

– Это безрассудно, – отвечаю я. – Тебя предупредили. Если ты будешь вести себя, как они хотят, все будет хорошо. Но если полезешь не в свое дело, они с тобой разберутся.

– Скажи мне кое-что, Джо. Ты мужчина. Настоящий, а не какой-нибудь сопляк, играющий крутого парня в кино. Что бы ты сделал?

– Я не знаю, Мэгги. Мы с тобой живем в совершенно разных мирах.

– Если бы кто-то задолжал тебе 750 000 долларов, ты бы оставил это просто так?

– Думаю, что нет. Но для этого существуют адвокаты.

– Это же Голливуд. Тут ни с кем не обращаются по-человечески, – говорит она. – Но у меня такое ощущение, что я согласилась поплавать с пираньями, а потом узнала, что среди нас плавает белая акула. Джо, мне нужно понять, с кем

я имею дело. Все действительно так, как они говорят? Или моей карьере конец? У меня появился враг, о котором я не знаю? Что вообще происходит? Если я случайно скажу лишнего, что со мной будет? Заставят меня исчезнуть, как это сделали с Анитой?

– Что ты хочешь от меня? – говорю я.

– Я хочу, чтобы ты выяснил, что происходит. Я хочу, чтобы ты защитил меня. Я хочу, чтобы ты позаботился обо мне, Джо.

– Почему я?

– Тебя можно купить, Джо? – спрашивает она, как будто уже знает ответ, как будто знает мою следующую реплику.

– Не знаю, – говорю я с улыбкой. – Никто всерьез не пытался.

– Если они попытаются, то сначала приди ко мне за встречным предложением. Только пообещай.

– Да без проблем, – говорю я.

– Думаю, проблемы будут. Но я не позволю никому дать тебе больше, чем могу я, – говорит она. – Поехали обратно в агентство. Я подготовлю контракт.

Ей придется раскошелиться. Я попытался подсчитать комиссионные в уме, но стоя так близко к Магдалене Лазло, я совсем утратил способности к арифметике.

– Только никому не говори о расследовании.

– Как ты себе это представляешь?

– Пусть тебя назначат моим личным телохранителем и во-

дителем. Двадцать четыре часа в сутки. Мне правда нужна защита. Дело серьезное, Джо. Больше ничего им не говори. Хорошо?

– Мэгги, ты не понимаешь, как ведется расследование. Для этого нужны люди, оборудование, контакты, организация, источники. Такое может повернуть только крупная компания.

Естественно, это просто стандартные фразы. Мы так говорим, чтобы потенциальный клиент не ушел от нас в какую-нибудь замшелую контору, где пара человек обещает сделать все по дешевке. Но это еще и правда.

– Ты не понимаешь, насколько они опасны. RepCo – это как Exxon из мира кино. Большая безжалостная корпорация со связями. Они повсюду. Если твоя компания узнает, чем ты занимаешься, через несколько часов об этом прознает и RepCo.

– Вся наша репутация строится на конфиденциальности. Это железная гарантия, – отвечаю я. Еще один рекламный слоган.

И тут она целует меня. Ну и что – пусть она моложе меня, но она видела куда больше фильмов и, скорее всего, чаще практиковалась. У нее это получается лучше, чем у меня. Я – то обычный парень. Когда Магдалена Лазло целует меня, я даже не вспоминаю, что на самом деле она всего лишь разведенка Мэгги Кребс. А я обыкновенный Джо, и мой хрен в два раза больше моего мозга. Но с ней это почему-то серьез-

нее, чем просто гормоны. Как будто в этом есть смысл – не знаю, как еще объяснить.

Затем я лезу в карман. Я же говорил, что клиенты иногда хотят поговорить в странных местах, вдали от наших встроенных камер и микрофонов. Поэтому по протоколу мы всегда носим с собой мини-диктофон. Я достаю его и перематываю пленку.

– Давай просто посидим здесь и позволим шуму прибора заглушить наш разговор, – предлагаю я.

– Я согласна, Джо, – отвечает она.

Когда пленка возвращается в начало, я нажимаю на кнопку записи и кладу диктофон на песок, микрофоном в сторону Тихого океана. Мы сидим бок о бок. Мэгги берет меня за руку. Моя ладонь в ее. Как будто она приглашает меня в свой фильм. Это первоклассная картина с отличным оператором и режиссером – лучшее, что может предложить Голливуд.

Глава третья

Мелвин Тейлор был вице-президентом компании «Юниверсал Секьюрити». Он медленно, но верно взбирался по карьерной лестнице. Он был не из тех, кто совершает прорыв благодаря какой-то гениальной идее, и он не умел продавать так, чтобы приносить компании существенный доход. Но он делал все, чтобы в его зоне ответственности не возникало проблем. Как и во многих крупных корпорациях, путь к успеху был долгим и извилистым – от маленьких офисов к более крупным. Тейлор работал в компании в Колумбии, штат Южная Каролина. Затем в Нашуа, штат Нью-Гэмпшир. В Остине, штат Техас. В Миннеаполисе, штат Миннесота. В Фениксе, штат Аризона. Оставалось всего два офиса, которые считались последним шагом перед повышением до штаб-квартиры в Чикаго: Лос-Анджелес, штат Калифорния, и Даллас, штат Техас. Три года назад Тейлор был переведен в Лос-Анджелес. С тех пор при любом удобном случае он не спускал с нее глаз.

Как только он узнал, что приходила Магдалена, Тейлор потребовал у охраны пленки с записью ее визита в «Юниверсал Секьюрити». Он смотрел на ее странные отрывистые черно-белые движения по коридору (камера пропускала кадры, чтобы экономить пленку, – это же документ, а не искусство). Остановить пленку. Отмотать назад. Включить снова.

ла. Он оттягивал момент, на котором она достигнет места назначения.

С тем же чувством он тянул время после ужина, прежде чем раскурить свою сигару. Он словно дразнил ее. Находил то одну, то другую причину: двигал пепельницу, подыскивал правильную, не слишком сухую сигару, выбирал между спичками и зажигалкой, наливал в чашку кофе без кофеина, наблюдал, как губы жены поджимаются в молчаливом упреке. Все, чтобы помедлить еще немного.

Он часто посещал вьетнамских массажисток – мать и дочь. По крайней мере, так они утверждали. Он никогда не спрашивал их документы и не устраивал проверок. Просто они не давали повода усомниться в их словах. Он ходил к ним раз в неделю. По вторникам, с полшестого до семи. Они делали массаж и драчили ему. Он раздевался, ложился на стол и выпивал глоток бренди, а примерно с 17:38 их работа заключалась в том, чтобы эрегировать его и удерживать в таком состоянии примерно час до эякуляции. Он гордо говорил себе, что тренирует силу воли, растягивая удовольствие.

Пусть подойдет ближе. Стоп. Назад. Заново.

Оттягивание удовольствия, как считал Тейлор, было важнейшей заповедью как цивилизации в целом, так и отдельных людей. Конечно, именно сила воли была причиной превосходства европеоидов. И безусловно, нынешний упадок Америки и успех Японии объясняется непониманием этого простого и важного урока. Нельзя есть десерт, пока не заслу-

жишь его. Нельзя тратить деньги, которых ты еще не заработал. Нельзя получать удовольствие, пока не станешь выше своих желаний и не сможешь это доказать.

Еще ближе. Стоп. Назад. Заново.

Ближе. Стоп. Нет. Поздно. Он увидел один лишний кадр. Она повернула в кабинет к Джо Брозу. Как Тейлор и предполагал. Он не дышал. Теперь же он с огромным удовольствием выдохнул.

В левом нижнем углу каждого кадра отображался временной код. Он показывал время записи, а не длительность пленки. Тейлор перешел к аудиозаписи. Аудиозапись сотрудников секретной службы велась с перерывами, не постоянно. Исследования показывают, что угроза того, что сотрудников могут в любой момент записывать, работает не хуже постоянной записи, но при этом экономится куда больше средств.

Не считая того, что в подобных обстоятельствах эта система может обернуться против тебя.

Аудиозапись была монофонической. Вторая дорожка использовалась для временного кода, который, как и видео, указывал на время записи. Это сильно ускоряло поиск и идентификацию. Тейлор ввел в магнитофон время, указанное на видеозаписи. Вся система отслеживания времени являлась собственной разработкой инженеров по безопасности «Юниверсал Секьюрити». Ее изготовила тайваньская компания электроники, все производство которой располагалось в

Таиланде, где рабочая сила была дешевле, а экологический контроль практически отсутствовал.

Тейлор сделал глубокий вдох и закрыл глаза. Он медленно считал в обратном направлении. Эту технику он использовал в своей еженедельной сексуальной практике. Она отлично помогала ему снять возбуждение. Иногда он так глубоко погружался в нее, что «маме с дочкой» приходилось поддерживать его эрекцию всеми доступными способами.

Он открыл глаза. Тайм-код показывал 14:28.16 – мигающий красный индикатор означал «готово». Одной рукой он нажал кнопку «Воспроизвести» на аудиоаппарате. Другой – кнопку «Пауза» на видеомагнитофоне, чтобы создать некое подобие синхронности.

Он наблюдал за Магдаленой Лазло, сидящей на углу стола Джо Броза. Она словно разыгрывала сцену из какого-то старого фильма с Марлен Дитрих – или у него сложилось такое впечатление просто потому, что видео было зернистым и черно-белым? У Броза практически отвисла челюсть. По мнению Тейлора, он выглядел примерно таким же умным, как хорватская корова.

– Слушай, Джо, – сказала Магдалена. – У тебя найдется четвертак?

– А как же, – ответил Броз.

«Какое красноречие», – подумал Тейлор.

– Так своди меня куда-нибудь на чашечку кофе.

– Мэгги, я готов сделать практически все, о чем ты меня

попросишь.

И это все? И они ушли? Куда? Что они делали? О чем говорили? За ней велось наблюдение? Круглосуточно? С противным ощущением в желудке он потянулся к папке и открыл ее. Конечно, никакого наблюдения не велось. Конечно, он знал об этом. Они ведь обсудили это на совещании и единогласно решили, что сейчас нет поводов для полного наблюдения. Это контрпродуктивно, потому что все знали: Лазло вздорная эгоистка. Но если они упустили что-то важное и операция сорвется, он может забыть о переводе в Чикаго. Скорее всего, он снова окажется в Ньюарке, штат Нью-Джерси, и ему поручат охрану супермаркетов.

И все же. Все было не настолько плохо.

Если окажется, что Магдалена Лазло все еще поднимает шум из-за истории с Джоном Линкольном Биглом и только что втянула в нее Джо Броза, на этот раз Джо влип по-настоящему. И Мэл Тейлор ждал этого гораздо дольше, чем очередной дозы никотина или эякуляции. Мэл Тейлор целых двадцать лет ждал, когда же Джо Броз снова вляпается по уши.

Глава четвертая

Притча про «не смотри» – одна из древнейших. Бог позволил Лоту выйти из Содома, но сказал: «Не оглядывайся». Жена Лота оглянулась и обратилась в соляной столб. Орфей отправился в ад, чтобы вернуть свою жену из мертвых. Бог подземного мира велел: «Не оглядывайся, пока не выйдешь». Орфей оглянулся и потерял ее. У Пандоры, первой женщины на земле, был ящик. Ей наказали держать его закрытым, но она открыла его – и все беды человечества вышли наружу. Эти истории неспроста стали такими распространенными и фундаментальными. Каждая культура в своей коллективной мудрости знает, что есть вещи, на которые не следует смотреть. В историях их символизируют какие-нибудь магические или мифологические предметы. Но все мы знаем, что это поучительные сказки, которые мы слышим в детстве или, по крайней мере, не в осознанном возрасте. Мы узнаем их от наших матерей, принимая за правила, которые будут вести нас по жизни и обеспечивать наше выживание.

Государственный секретарь Джеймс Эддисон Бейкер III родился в Техасе и получил образование в Принстоне. Он хорошо знал Библию и был знаком с классическими языческими мифами. Что-то в его душе откликалось на древние предупреждения.

Но Бейкер был рациональным человеком. Он признавал сверхъестественное, паранормальное, мифологическое – только ради шутки, – за исключением христианства, конечно. Например: «Бедный Ли, совсем двинулся от лекарств... или от опухоли мозга. Дал мне этот конверт, как будто это ящик Пандоры, и говорит: “Только не смотри!”»

Конечно же, он вскрыл его, как только вышел за дверь больничной палаты. Хотя бы времени зря не терял. У него по-прежнему не было ни сотового телефона, ни газеты, которую можно было бы почитать, ни помощника, с которым можно было бы посоветоваться или отдать приказ. Путь до лифта и спуск вниз занимали ровно 420 секунд, в которые идеально уместилась последняя записка Ли Этуотера – попытка умирающего повлиять на события с того света.

Вначале он читал молча. Джеймс Бейкер очень давно был публичным человеком и строго контролировал любые свои высказывания. Поговаривали, что «Бейкер не способен выражать эмоции». Что «сидеть напротив Бейкера – все равно что смотреть на отрез черного шелка... неподвижность... и лишь иногда... довольно сдержанная улыбка. Он ведет беседу с помощью идеальных предложений, идеальных абзацев, идеальных страниц»⁸.

Он нажал на кнопку лифта, не отрываясь от чтения. Когда лифт прибыл и двери открылись, он шагнул внутрь, не

⁸ «Невероятные парни Буш и Бейкер», Морин Дауд и Томас Фридман, «Нью-Йорк таймс», 6 мая 1990 г.

поднимая глаз. Он знал, что едет не один. Там были санитар в зеленом халате и пациент на каталке, а также всевозможные системы наблюдения и безопасности. И все же он сказал тихо:

– Господи, мать твою. Сучий Этуотер совсем сдурел.

Потом он не сказал, а лишь подумал: «Этот листок никто и никогда не должен увидеть. Его надо уничтожить». Он был прав. В тот момент нашей истории рухнули все стены между разумным поведением и свободой мыслить, осознанными поступками и неуместными действиями, опасными высказываниями и необходимой спекуляцией, частным и общественным достоянием. Военные, например, часто разрабатывают сценарии «что, если?». Что мы будем делать, если в Европе случится контрреволюция и оттуда запустят ракеты по другим странам? Если начнутся жестокие гражданские беспорядки в Соединенных Штатах? Если Китай начнет войну с Японией? Любой здравомыслящий человек сочтет такие рассуждения разумными, чтобы был какой-то план на случай, если случится непоправимое. Но нет! Когда один из этих документов слил какой-то засранец из либералов, СМИ отреагировали так, как будто президент лично планировал открыть концлагерь, чтобы задержать всех, кто не голосовал за Ричарда Никсона в 1968 году. Когда человек, облеченный властью, рассказывал пошлую шутку, или присовывал хрен какой-нибудь Пандоре в ящик, или выражал недовольство каким-нибудь человеком или целой группой по этническому

признаку, это могло разрушить чью-то карьеру, а то и весь режим. Особенно если у другой стороны был Ли Этуотер, который знал, как пользоваться информацией. Эта записка, или как ее еще назвать, была чистым безумием. Если в этой администрации кто-нибудь хотя бы подумал о том, что написал Этуотер, им всем конец. Тем не менее Джеймс Бейкер не сжег письмо, не разорвал на мелкие кусочки, не съел его и не уничтожил в ближайшем шредере. Он положил записку в карман. И оставил себе.

Глава пятая

Мэгги живет на пляже. В Транкасе, недалеко от Малибу. Я живу в Шерман-Оукс. И то, и другое – Америка. Это шутка.

У меня есть для вас образ из кино. Я в своей трешке – спальня, ванная и комната со всем остальным – собираю вещи. Два больших чемодана. Потому что переезжаю. Я не знаю, что именно меня ждет, поэтому беру очень много. Ломаюсь по поводу оружия. Но по той же причине, по которой я упаковываю приличный костюм и плавки, я беру «Глок-17» с наплечной кобурой, короткоствольный револьвер «Смит-Вессон» с кобурой на лодыжке и маленькую «Беретту», которую могу поместить в кобуру на спине. Все они стреляют патронами калибра 9 мм.

Я складываю футляры с оборудованием. Компания рекомендует брать их с собой на задание всегда, когда это возможно. У нас есть три стандартных комплекта. DS – защитные системы – включает: CMS-3, который обнаруживает радиочастотные жучки, несущие сигналы, передатчики, DL-1000 – ручной детектор жучков, который можно взять с собой куда угодно, ручной детектор оружия, набор для прослушки телефонных линий и телефонный скремблер. Второй комплект – это более активные системы, на тот случай, когда нужно «сделать это с ними, пока они не сделали этого с вами». EAR-200 для прослушки сквозь стены. Параболи-

ческий микрофон для дальних расстояний. Устройство слежения за транспортными средствами. Программа для блокировки доступа к вашему компьютеру. Пульт дистанционного запуска автомобиля для тех, кто очень переживает о безопасности, – поверьте мне, некоторым они и правда нужны. Инфракрасная камера Minnox с инфракрасной вспышкой. Миниатюрные микрофоны, передатчики и записывающие устройства. В третьем комплекте лежит электрошокер, электрошоковая дубинка, вставки в бронежилет, различные перцовые спреи.

Все это оборудование производит неизгладимое впечатление на клиентов. Так нам говорят тренеры компании по маркетингу, и мой опыт подсказывает, что это правда. Наши клиенты – из тех людей, которые покупают «Мерседесы» и «Порше». Им нравятся все эти прибабасы. Кроме того, оборудование приносит деньги. Мы выставаем счет за все, что пришлось использовать. Достаточно сказать: «Хотите, чтобы я проверил ваши телефонные линии, сэр?» Затем я достаю CMS-3 стоимостью 3000 долларов и выставаем счет на 150 долларов в час за его использование. Они соглашаются. Можно также продать им само оборудование. Это как в рекламе «Хонды»: «автомобиль, который продает себя сам». О таких игрушках люди только мечтают. Кто не захочет слушать сквозь стены? Слышать, о чем все говорят, когда вы выходите из комнаты? Знать, чем занимается ваша жена, когда вас нет дома? Вы хоть представляете, каким мачо почув-

ствуует себя парень, если превратить его портфель с рабочими бумажками в щит, способный остановить «Магнум» 357 калибра? Это стоит всего 150 долларов. Продавцы вроде меня получают десять процентов со всего, что у нас покупают.

Так вот, под «образом» я имею в виду то, насколько мала и пуста моя квартира. На что тут смотреть? На стене висит одна вроде как неплохая картина. Это оригинал, масло, реализм. На ней изображена женщина с ребенком на руках, стоящая в калифорнийском винограднике. Когда я вернулся домой из Вьетнама, я привез вещи одного парня. Конечно, у военных есть каналы и средства для таких случаев. Но тот парень, Кенни Хорват, он был моим другом. Он умер за день до окончания моей службы. Я привез его вещи домой. Его мать отдала мне картину. Кенни сам нарисовал ее. Женщина на картине была его девушкой. Ребенок тоже был его. Но она ушла к другому мужчине, еще до смерти Кенни. Короче, это единственное цветное пятно в комнате.

На моем столе стоит черно-белая фотография женщины. Забавно, что я храню ее. В ящике лежат «Пурпурные сердца»⁹. Их три штуки. Одно отцовское, два моих. Разные войны, но медали и шкатулки, в которых они лежат, все те же.

В этой комнате одиноко. Я знаю. Я даже слышу в своей голове музыку, которую бы включили в этот момент, будь я

⁹ «Пурпурное сердце» – военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

в фильме.

Затем будет контраст. Может быть, покажут поездку на машине из одного места в другое, а может, и нет. Я бы не стал. Я бы перешел сразу к делу.

Скажем, это будет солнечный день. В Лос-Анджелесе стоит смог, а здесь все обдувает морской бриз. Накатывают тихоокеанские волны. Пара ребят катается на серфах – явно прогульщики, даже школу еще не закончили. Старик выгуливает щенка. Человек бросает палку. Собака бежит за ней. Старик вспоминает молодость, буйство, радость. Он рад, что кто-то может носить его вместо него. А вон принцесса из Малибу с идеальным телом персонального тренера бежит трусцой вдоль воды.

Между Тихоокеанским шоссе и пляжем всего один ряд домов. У всех есть заборы и металлические ворота на входе с системой видеонаблюдения и электронными замками. Здание к югу от дома Мэгги – особняк в стиле Тюдоров. К северу – асьенда¹⁰. Дом Мэгги – калифорнийский модерн. К нему ведет круговая подъездная дорожка. Передний двор заполнен кактусами и пустынными растениями, которые стоят тысячи долларов. Огромная входная дверь сделана из какого-то экзотического дерева. Светильники из латуни, отполированной до блеска. Она нашла новую горничную.

¹⁰ Асьенда – крупное частное поместье в Испании и Латинской Америке, к которому часто прикреплены батраки – номинально свободные, но вынужденные работать на владельца асьенды и полностью от него зависящие.

Эта новенькая открывает дверь. Она ждала меня. Это тоже кое-что говорит о Мэгги.

– Добрый день, мистер Броз, – говорит горничная. Это женщина в годах. Думаю, ей лет пятьдесят. Ирландка, с акцентом. Позже я узнаю, что она нелегалка. Но ее не слишком это беспокоит. Она знает, что патрульные не поймают ее на улице, чтобы депортировать, и не спросят грин-карту во время рутинной проверки.

– Зовите меня Джо, – говорю я, озираясь.

– Это мы еще посмотрим, – отвечает она.

– Угу, – парирую я. – А вас как зовут?

– Миссис Маллиган.

– А мистер Маллиган есть?

– Был, но умер.

– Соболезную.

– Не стоит. По нему никто не скучает. Уж я-то точно нет.

Так вы зайдете или будете глазами хлопать?

– Зайду. Спасибо, – говорю я.

– Не за что. Присаживайтесь в гостиной. Хозяйка сейчас выйдет. Хотите чем-нибудь подкрепиться? Можете и выпить, хотя, на мой взгляд, пока рановато. Или могу предложить свежавыжатый апельсиновый сок. Хозяйка очень любит свежавыжатые соки. Овощные и фруктовые. Или можете попить воды, она у нас из шести разных стран, с пузырьками и без. Вот в Ирландии вода падает с неба бесплатно.

– Не откажусь от сока, – соглашаюсь я.

– С ним столько возни, но что поделать, – вздыхает она.

Она оставляет меня. Я осматриваюсь. В гостиной два этажа. Посередине между ними есть галерея с перилами. Несколько дверей ведут в комнаты. С одной стороны – лестница. За ней находится стена с водопадом, сделанная из камня или его имитации. В нишах в камне – комнатные растения, а внизу бассейн с живыми рыбами.

Четвертая сторона почти полностью представляет собой окно с видом на пляж.

Под галереей есть двери, ведущие в другие комнаты. Кухня, столовая, домашний кинотеатр.

На стенах висят две картины. Одна – очень французская, написана точками краски. Другая напоминает старый трехмерный рисунок в сочетании с живописью. Она похожа на изображение Бога и Адама из Сикстинской капеллы, только вместо Адама Элвис, а Бог держит бутылку колы. Я подхожу и вижу пару старомодных картонных 3D-очков, чтобы рассмотреть ее во всем великолепии. Это оригинал Джеймса Триверса.

Мне кажется, что все это, кроме картины, я уже видел раньше. Никакой мистики или дежавю, просто это место наверняка использовалось как декорации в кино или на телевидении. Возможно, его проектировал дизайнер киношных декораций или архитектор, который вдохновляется фильмами о Голливуде.

Но я не это пытаюсь понять, разглядывая дом.

Затем входит она. Спускается из верхней комнаты. Босиком, в джинсах и хлопковой рубашке. Простая, непринужденная, идеальная. Рубашка в мужском стиле, но это не мужская рубашка, это ее рубашка. Теперь я понимаю, что именно я ищу: признаки мужчины. Она живет одна или с кем-то?

Предполагается, что у нас будут профессиональные отношения. Но это не так. Что я буду делать, когда появится ее любовник? Если она вернется с вечеринки в чьей-нибудь компании? Или вернется с обеда на дневной киносеанс? Куда мне деваться?

Я профессионал. Я был им долгое время. Но я перестал быть профессионалом еще тогда, в самом начале. На пляже. Когда я стер кассеты. Изменил запись. Поддался паранойе клиентки. Пошел на поводу у нее, а не у компании. Усугубил ситуацию, подав ложный отчет. Зачем я это сделал? Потому что она меня поцеловала? Может быть, это случилось еще раньше, когда она вошла в мой офис в облике кинозвезды – которой она и была, – произнося свои реплики, будто отрывки из сценария – которыми они и были.

– Приветик, Джо, – говорит она. – Рада тебя видеть.

– Ага. Шикарный дом.

– Спасибо, – отвечает она, глядя мне прямо в глаза.

Я отворачиваюсь. Еще не все потеряно. Я могу одуматься, исправить свой отчет и выложить все начистоту. Ничто меня не останавливает.

– Покажи мне дом, – говорю я. – Включая подсобку и

электрощиток. Если ты, конечно, знаешь.

– Я знаю.

– И систему безопасности. Я видел камеры видеонаблюдения у входа. Осмотрим периметр.

– Периметр?

– Старая привычка, – говорю я. – Некоторым клиентам даже нравится, когда я так разговариваю. Им нравится думать, что их охраняет настоящий морпех.

– Мне тоже нравится, – отвечает она.

– А с тобой тут... – начинаю я непринужденно, но сам удивляюсь своей наглости, – ...кто-то еще живет? В данный момент.

– Джо. – Она произносит мое имя и делает паузу, чтобы я на нее посмотрел и прислушался. – Больше никого нет.

– Это хорошо, – говорю я.

– Не считая миссис Маллиган, – уточняет она.

Конечно, она не упомянула ее сразу, ведь я спрашивал не об этом.

– Давай выберем тебе комнату, – говорит она.

– По традиции телохранителя-шофера селят в комнате над гаражом. Наверняка в этом доме есть такая.

– Есть, – отвечает она.

– Я так и думал.

– Но тебе лучше жить в доме. Наверху есть свободная спальня.

– А где твоя комната?

– Наверху. Через две двери от твоей. Тебя это не смутит?

Между нами будут две двери и пара метров. Смутит ли меня это? Меня вполне устраивало, когда она жила здесь одна и отдыхала на пляже с остальными богатыми людьми, а я в это время торчал в долине со смогом. Теперь, когда я знаю, что через две двери от ее спальни есть свободная комната, где я могу оставить вещи и лечь спать, для меня в мире не осталось места, куда можно было бы сбежать, чтобы забыть о ней. Комфортно мне будет только в одном месте.

– Конечно, нет, – отвечаю я.

– Джо. – Она подходит ближе и кладет свою руку на мою. – Чему быть, того не миновать.

– Тебе легко говорить.

– Неужели?

– Я принесла вам апельсиновый сок, – окликает миссис Маллиган. Ее голос доносится до меня словно сквозь туман на скалистом побережье.

– Спасибо, Мэри, – говорит Мэгги.

Сок чуть прохладнее комнатной температуры. Сладкий и ароматный. Он помогает мне промочить пересохшее горло.

– Спасибо, Мэри, – говорю я.

– Вы уже решили, где будете спать?

– Да.

– Тогда я разложу ваши вещи, но, думаю, вам лучше самому принести их из машины. Вы на вид крепкий парень, хоть и не очень высокий.

Я заносу в дом чемоданы. Затем оборудование. Оно упаковано в футляры, и я говорю Мэри Маллиган, чтобы она их не трогала. Она очень быстро и аккуратно разбирает мою одежду.

– Вы только посмотрите, – говорит она при виде оружия. – Мы на пляже в Калифорнии или в подворотне в Белфасте?

– А вы оттуда?

– Нет, – отвечает она, – из Роскоммона, это в центре страны. Там не так опасно, но нищих не меньше.

Когда мы спускаемся вниз, Мэгги разговаривает по телефону. Она свернулась калачиком на диване и подобрала под себя ноги. Я жду. Когда она заканчивает, я говорю:

– Я собираюсь осмотреть периметр.

Я улыбаюсь. Она улыбается в ответ. Наша первая шутка.

– Мне нужно работать, – говорит она. – То есть звонить по телефону и заниматься пустой болтовней, пока я отчаянно пытаюсь узнать, кто в каком фильме снимается и кто кого отмазывает от какой сделки. Хочешь, выложу тебе все скандальные голливудские сплетни?

– Спасибо, не надо, – говорю я.

– Мэри может пойти с тобой, или иди один.

– У тебя сегодня есть планы? Кроме телефонных звонков.

– Ужин в «Мортоне». Господи, ну почему в модных местах всегда так паршиво готовят?

– Я никогда не ел в «Мортоне», – отвечаю я. – Просто чтобы ты понимала, с кем разговариваешь: когда я ем не дома, я

иду в мексиканскую забегаловку, где настолько дешево, что даже мексиканцы могут себе это позволить.

– Прости, Джо, – говорит она. – Я не пыталась...

– ...напомнить мне, что ты богата, а я нет. Что ты... – я оглядываю эту гостиную с высоченными потолками и видом на океан и собственный водопад на территории, – ...ты кинозвезда, а я обычный человек. Я не против. Я знаю, кто я. И ты не забывай.

– Есть такие... – хихикает она. Это девичье кокетливое хихиканье. Боже, неужели она во всем идеальна? Или просто я плаваю в супе из гормонов, которые заставляют меня воспринимать все в золотом свете? Если эта женщина будет со мной на протяжении двадцати лет, наверняка я начну видеть в ней недостатки, а ее теплый и залиvistый смех начнет действовать мне на нервы. Как пить дать.

– Что?

– Есть такие фильмы, в которых именно такой сюжет. Про богатых женщин и их шоферов. Если тебе в жизни нравится ориентироваться на кино.

Я не уверен, о чем она. Но очень хочу разобраться.

– Ты этого хочешь? Разыграть сцену из фильма?

– Ты серьезный парень, Джо. Настоящий мужчина. Вот почему я хотела, чтобы ты был здесь. Не буду об этом забывать.

– Хорошо, – говорю я. Так я ничего и не понял.

– Мне правда нужно позвонить, – извиняется она.

– Просто держи меня в курсе своего расписания. Я буду ориентироваться на него. Для этого ты меня и наняла.

Она ведь и правда наняла меня. Подписала контракт с компанией на мои услуги и ознакомилась с прайс-листом. Это контракт, который подразумевает, что клиент должен оплачивать все дополнительные услуги, включая оборудование и рабочую силу.

– Сегодня я хочу осмотреть помещение. Продумать и дать рекомендации. Вечером я отвезу тебя на ужин и обратно домой. Если ты не захочешь куда-то еще. А пока у меня есть пара часов, которые я хотел бы уделить себе. Я бегаю и занимаюсь, чтобы поддерживать себя в форме. Хотя знаю, что с виду так не скажешь.

– Ты собираешься сидеть возле «Мортон» все два часа, пока мы едим? Хотя, конечно, собираешься. Просто... Я не... У меня никогда не было личного шофера. Конечно, меня много раз возили. Студии всегда присылают лимузины. Но водители, даже когда я вежливо разговариваю с ними, спрашиваю их имена, имена их детей и все такое, чтобы казаться приятным человеком, на самом деле... Конечно, они живые люди. Но для меня они в первую очередь шоферы. Это сложно. А ты для меня в первую очередь человек.

– Спасибо, что сказала это, – говорю я.

Я задумываюсь об этом. Я работал со звездами. Звезды – это люди, чьи лучшие друзья возят их по городу и полируют их автомобили. Звезды не задумываются о том, что их

лучшие друзья сидят возле ресторана по два, четыре, шесть часов, ковыряя в носу. Они считают, что их лучшие друзья должны быть благодарны им за любую работу, не говоря уже о той, которая позволяет соприкоснуться с жизнью богатых и знаменитых, подбирая крошки с праздничного стола. Не забывайте, что солнце – это звезда, а планеты существуют только для одной цели – бесконечно вращаться вокруг него.

Миссис Маллиган знает о доме не больше, чем я. Она работает там всего несколько дней. Дом обнесен стеной, включая территорию пляжа. Гостиная и терраса расположены достаточно высоко, поэтому наружу вы смотрите вверх стены, даже не подозревая об этом.

Входные ворота – это железная решетка. Дверь на пляж сделана из крепкого дерева. И то и другое оборудовано системой сигнализации и видеонаблюдения.

Я автоматически подмечаю, что их установила и обслуживает не наша компания. Сама стена не имеет защиты. Я мог бы преодолеть ее за несколько секунд. Как и любой серьезный злоумышленник.

У нас есть пункты и контрольные списки, по которым мы проводим подобный осмотр. Эту информацию можно ввести в компьютер для анализа. Правда, это скорее маркетинговый инструмент, который проводит анализ в соответствии с уровнем страха клиента и его финансовыми возможностями.

Самые сложные системы я устанавливал в Майами в сере-

дине 80-х, когда меня на полгода отправили туда работать. В то время там было жарко: наркотики, оружие, деньги, банды кубинцев, колумбийцев и ямайцев. Все смотрели «Полицию Майами» и готовились к войне. Мы превратили немало домов в настоящие частные крепости, начиненные электроникой с полностью замкнутым контуром. Конечно, тогда люди были готовы и обороняться, и убивать.

Но, как я понял, люди из окружения Мэгги считают убийством подлый телефонный звонок, который лишает их контракта на следующие съемки. Конечно, даже среди богатых и знаменитых есть те, кто готов причинить боль другим – под наркотиками или в приступе безумия. Но такие люди не перелезают через стены. Они заходят с главного входа.

Это вам не Майами и не Вьетнам. Мне не придется рыть окопы, отстреливаться от врагов, вызывать воздушное подкрепление. Здесь скорее будет огонь по своим или нож в спину.

Я заканчиваю обход весь в грязи и в поту. Я поднимаюсь в свою комнату и переодеваюсь в шорты и футболку. Когда я выхожу в гостиную, Мэгги взволнованно разговаривает по телефону. Она едва заметно кивает мне. Я выхожу на террасу, спускаюсь по наружной лестнице и выхожу через заднюю дверь на пляж.

Обычно, чтобы побегать, я сажусь в машину и еду в один из парков, или на Малхолланд, или еще куда-нибудь. Потом, весь потный, еду домой, и, если меня угораздит попасть в

пробку, в итоге я проведу в машине больше времени, чем на ногах. Но либо так, либо бегать по улицам, дыша выхлопными газами. Я пробегаю около десяти километров по каньонам, где есть подъемы и спуски. Здесь, на равнине, я рассчитываю пробежать все пятнадцать. Я могу бежать и больше. Иногда приходится.

Я оглядываюсь. Мэгги стоит на террасе. Она все еще говорит по телефону, но смотрит на меня.

Я бегу со всех ног, пытаюсь выбросить ее образ из своей головы. Она снова и снова появляется на моем личном экране, и мы вместе разыгрываем сцены из кино. Иногда постельные, иногда что-то посерьезнее. На это уходит много времени, но в конце концов я изгоняю ее, и все становится пустым. Затем наступает война, как это обычно бывает, когда я бегу. Это нормально. Просто картинки. Никаких звуков. Никаких запахов. Это не похоже на сон, который может напугать, вызвать холодный пот и заставить проснуться с криком, чужими воплями в ушах и стоящим в носу ни с чем не сравнимым запахом смерти. Обгоревшие тела, внутренности, выпавшие из кожаных мешков. Нет, это просто картинки. Миссия в видеоигре. Иногда я погружаюсь в нее так глубоко, что вижу своего рода карту, на которой показан выход. Намеченный путь. Пройти по минному полю, избежать ловушки, спрятаться за деревом, стрелять по врагу. Я пытаюсь показать этот путь другим, но не могу. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

К тому времени, когда я возвращаюсь, с меня сходит уже восьмой пот и никакие образы не лезут мне в голову. Остался только пляж и дома богачей. Мэгги наблюдает за мной со своей террасы. Но когда я поднимаюсь туда, ее уже нет. Мне так спокойнее. Я делаю то, что собирался: 200 приседаний, 100 отжиманий. Я могу и больше. Но зачем? Я даже не знаю, почему делаю именно эти упражнения. Зачем я решил поддерживать форму. Не то чтобы меня собирались призвать на новую войну.

Когда я заканчиваю, она снова там, улыбается мне.

– Мне надо в душ, – говорю я.

Ванная комната большая, словно детская спальня. А это всего лишь гостевая ванная, не хозяйская. Я захожу в душ и врубаю воду на полную мощность. Комната заполняется паром. Вода бьет мне в спину. Я моюсь. Я жду, что Мэгги откроет дверь и войдет сюда сквозь туман. Напрасно.

Я вытираюсь и одеваюсь как раз к приходу Рэя Матусоу. Он должен проверить дом на наличие жучков. Я мог бы сделать это сам, но пригласить Рэя будет эффективнее и дороже. К тому же у него лучше получается. Я не сказал об этом Мэгги, потому что если кто-то подслушивает – что возможно, но вряд ли, – зачем их предупреждать. Некоторые устройства можно сделать пассивными, и тогда их нельзя будет обнаружить. Существует два способа найти жучки. Один из них – проверка сопротивления. На линии большее сопротивление, чем должно быть? Значит, где-то жучок. Другой способ

– тест на трансляцию. Издаешь звук, настраиваешь приемник на нужные частоты и смотришь, передается ли твой звук.

Рэй работает дотошно. Он проверяет все телефоны. Уделяет особое внимание тем местам, где мы сами обычно устанавливаем прослушку: розетки, стереосистемы, лампы и любая другая электроника. Он проверяет машины. На все у него уходит четыре часа.

– Все чисто, – объявляет он.

– Отличная работа. Спасибо, Рэй, – говорю я.

Теперь у Мэгги меньше поводов для беспокойства. А если произойдет то, о чем я никак не могу перестать думать, мы сделаем это в уединении.

Она одевается к ужину. Делает прическу и макияж.

– Пытаешься произвести на кого-то впечатление? – спрашиваю я ее.

– На всех. Мы все следим друг за другом.

– У тебя получается, – говорю я.

– Спасибо, Джо.

В гараже стоят три машины. Ее «Порше», «Севилль» и мой старенький «Форд». Мы берем «Порше». У «Мортонна» она опять начинает извиняться за то, что мне придется ждать.

– Ну, как есть, – говорю я.

– Жаль, что мы не можем пойти вместе, – говорит она, выходя из машины. Когда она скрывается из виду, я говорю:

– Чертовски жаль.

После ужина она задумчива. Мы не разговариваем. Но она улыбается мне. Включает радио. Нам повезло. Это Пэтси Клайн.

Мэри Маллиган, похоже, не стала нас дожидаться. Это хорошо. Нам одиноко в этом большом пустом доме. Над океаном висит луна, отбрасывая серебристые лучи на пенные волны.

Если бы я писал сценарий к этому фильму, мой персонаж был бы высоким, стройным и элегантным. Я был бы Фредом Астером. Я взял бы ее на руки, закружил в вальсе на террасе, и мы бы танцевали только вдвоем.

Но я низкий и коренастый. Непробиваемый, как кирпичная стена. Она легонько целует меня в губы. Это извиняющийся поцелуй. Поцелуй, который заявляет: «Ты ничего, но я не собираюсь сегодня с тобой трахаться». Мы все прекрасно знаем этот поцелуй. Мне он не нравится. Но это точно он.

Она поднимается наверх. Я смотрю ей вслед.

Потом иду за ней. Несмотря на все мои пробежки, приседания и отжимания, каждый год моей жизни добавляет дополнительный свинцовый груз вокруг моих лодыжек, и подъем дается мне с трудом. Я раздеваюсь, удивляясь своей глупости.

Я не могу уснуть и пытаюсь мысленно перемотать события дня. Я прокручиваю в голове всю ленту от начала до конца. Сбор вещей, похотливые мысли, поездка через грязный воздух Лос-Анджелеса, внешний вид дома. Прислуга. Машины.

Свежевыжатый сок. Разговор с Мэгги, дословно. Пробежка. Рэй делает зачистку. Мэгги Кребс в вечернем наряде превращается в Магдалену Лазло, кинозвезду. Рэй делает зачистку. Что-то не так в том, как Рэй делает зачистку. Я не знаю, что. Я перематываю сцену снова.

Сейчас по меньшей мере четыре часа утра. Я путаюсь в простынях, скидываю с себя одеяла и пытаюсь заснуть в позах, которые, как я знаю, не сработают. Тот факт, что до Мэгги подать рукой, бьет по моему сознанию, как волны о берег. Так что я решаю послать все к черту. Я открываю футляр № 2 и достаю свой CMS-3. Я собираюсь сделать то же, что делал Рэй, и выяснить, что же меня беспокоит. И посмотрим, смогу ли я, заняв себя таким образом, заглушить мечты о Мэгги. Я надеваю джинсы и футболку и босиком спускаюсь вниз.

Начинаю с телефонов. Это самое простое.

Мой CMS-3 засекает прослушку в телефоне.

Глава шестая

В президентской каюте на борту самолета Air Force One две кровати. Когда Барбара Буш не сопровождает своего мужа, свободную койку занимает Джим Бейкер¹¹.

– Буши¹², – сказал Джим, снимая ботинки и откидываясь на подушки, прислоненные к спинке кровати, – был я тут на днях в Хьюстоне...

Они оба любили говорить с тexasским акцентом, растягивая слова. Это объединяло их и заставляло почувствовать себя мачо.

– Подходит ко мне, значит, один старикан и говорит... – Дальше он рассказал неприличную историю.

Им обоим нравились пошлые шутки. Но боже их упаси забыть о том, где и кому они их рассказывают. Стоит кому-то из журналюг услышать, как Джордж Герберт Уокер Буш шутит: «Зачем Господь наградил женщин пиздой? Чтобы мужчины с ними разговаривали», и не успеешь оглянуться, как каждый либеральный комментатор-подкаблучник будет выпрыгивать из штанов, крича о неполиткорректности, женоненавистничестве, сексизме, Сандре Дэй О’Коннор и прочем.

¹¹ Newsweek: 29 января 1990 г.

¹² Именно так Бейкер обращается к Бушу в статье «Невероятные парни Буш и Бейкер», «Нью-Йорк таймс», 6 мая 1990 г.

– Знаешь что, – сказал Буш, – дело в точке зрения. Скажи мне правду... Ты был... ну, понимаешь, с ним, а теперь ты...

Он хотел сказать, но не сказал «со мной». Бейкер его понял. Буш часто так делал. Не договаривал предложения. Не заканчивал мысли. Не соединял кусочки. Таким же был Рональд Рейган.

Бейкер начинал свою карьеру в политике вместе с Джорджем Бушем. Он руководил кампанией Буша, когда тот боролся с Рональдом Рейганом за выдвижение в кандидаты от республиканцев в 1980 году. Бейкер, чувствуя, в какую сторону дует ветер, и желая сделать своего сына вице-президентом, отговорил Буша от слишком резких нападков на своего соперника, а затем заставил его снять свою кандидатуру раньше, чем он мог бы. Люди Рейгана были настолько впечатлены Бейкером, что пригласили его к себе на позицию начальника штаба. Он согласился. А Буш согласился на пост вице-президента. При Рейгане в Белом доме Бейкер был более влиятельной фигурой, чем вице-президент Буш.

– Посмотри на рейтинги, – сказал Буш.

На самом деле он имел в виду: «Посмотри, как я опускаюсь в рейтингах, а Рейган по-прежнему невероятно популярен, хотя я делаю все то же самое, что и он. Почему же у меня ничего не получается?»

– Ну, Буши, старина, – сказал Бейкер, снимая свои шикарные ковбойские сапоги за 800 долларов, которые не стыдно было бы носить и с дорогим костюмом в полосочку, не теряя

при этом техасского духа, если вы понимаете, о чем я, – Рейган может наплести столько дерьма, сколько ни один дерьмоплет в мире не смог бы ни до него, ни после. Если представить себе все это дерьмо, куча будет размером с Техас.

Он снял второй сапог и пошевелил пальцами ног. Ковбойские сапоги ужасно тесные, даже если сделаны на заказ.

– Когда начало? – спросил Буш.

– Через пять часов, – ответил Бейкер.

Буш вздохнул. Тяжело быть президентом. Куда труднее, чем актером. Потому что актеры работают не так много, и никого не волнует, насколько их все затрахало. Главное, чтобы фильм собирал кассу. Если ты президент, ты весь день проводишь на встречах и совещаниях. Затем ты садишься в вертолет и тебя доставляют на борт Air Force One. Конечно, весь самолет – по сути, твой личный номер в отеле, где сотрудники исполняют любую твою прихоть, но через два, шесть или восемь часов полета тебе придется покинуть борт и выглядеть бодрым, энергичным, здоровым, выспавшимся и довольным, что находишься там, куда ты только что прибыл. Высыпаться при любой возможности, независимо от личных обстоятельств и биологических ритмов, даже важнее, чем делать макияж, перед тем как появляться на камерах.

– Пора запускать голубую бомбу¹³, – сказал Буш и достал

¹³ Фраза, приписываемая в печати Бейкеру (журнал Time, 14.10.1991 г.). Логично предположить, что два столь близких человека могли использовать одни

таблетку «Хальциона». Они оба их принимали. Разумеется, только по рецепту и по рекомендации своих врачей. Это снотворное, химически схожее с валиумом и либриумом. Его преимущество в том, что оно не задерживается в организме, и поэтому принявший таблетку не испытывает сонливости утром, днем или когда ему довелось проснуться.

Бейкер налил каждому по стаканчику скотча, чтобы запить таблетку.

Буш все еще был взволнован. Трудно представить себе президента, который не чувствует себя взволнованным. Даже когда есть повод для радости – сокращение бюджета, победа над демократическим конгрессом, рост популярности в опросах, оттеснение коммунистов в Центральной Америке – кто-то тут же начинает ворчать, жаловаться, ныть и пытаться преуменьшить это достижение. Тем временем СМИ успевают придумать какую-нибудь новую мелкую проблему и раздуть ее до масштабов глобального кризиса, с которым может справиться только президент и никто иной.

– Ананасовая морда¹⁴, – сказал президент.

– Я понимаю твое разочарование, – сказал Бейкер. Он

и те же фразы. В 1990 году это было самое популярное снотворное в мире. В Великобритании его запретили в октябре 1991 года.

¹⁴ Мануэль Норьега – панамский военный и государственный деятель, который официально не занимал никаких государственных должностей, однако имел титул «верховный лидер национального освобождения Панамы». В Панаме Норьега называли за глаза «Ананасовой мордой» – за следы от перенесенной оспы на лице. – Прим. ред.

знал, что Буш жалуется на суд над Норьегой. Буш послал войска, чтобы свергнуть в Панаме диктатора, торговавшего наркотиками. Он развязал ради этого целую войну и лично одобрил название операции: «Правое дело»¹⁵. Отличное название, говорящее. Они добились своего и привезли этого сукина сына в Майами. Самое место, чтобы судить кого-то за наркотики. Но этот чертов суд, казалось, будет тянуться вечно. Ходатайства и апелляции посыпались еще до первого заседания. Чем дольше это продолжалось, тем позорнее казалась вся затея.

– Прокурор – хороший парень, – успокоил Бейкер своего босса. – Я спрашивал – лучше него не найти. Это займет столько времени, сколько потребуется, но наш парень добьется своего.

Буш встал, чтобы переодеться в пижаму. Барбара сшила ее в подарок по случаю его инаугурации. Это была белая фланелевая пижама с узором, изображавшим маленьких президентов, балансирующих на носгах.

– Хочешь, расскажу историю, которую я слышал в Хьюстоне? – спросил Бейкер. Ответа не последовало. Бейкер налил каждому еще по стакану.

Буш взял свой стакан. «Боинг 747», огромный и устойчивый, спокойно рассекал ночное небо, и в нем глава свободного мира был в полной безопасности. Но по мере того как

¹⁵ В английском языке название операции Just Cause может читаться и как «Правое дело», и как «Просто так». – Прим. пер.

рушилась империя зла, титул главы свободного мира стремительно терял свой смысл. Нужно было придумать фразу получше. Глава?.. Да ладно, пусть спичрайтеры ломают головы. Они-то знают толк в словах.

– Черт, – сказал Буш. – Мне будет его не хватать.

Этуотер умер всего две ночи назад. Врачи ударили по его мозгу радиацией. Это сработало. Им удалось уничтожить опухоль, а вместе с ней и какую-то часть здорового мозга. Почти сразу же в другом месте выросла другая опухоль. Врачи решили, что он не сможет выдержать еще одну порцию облучения. Дальше все пошло по накатанной.

Бейкер поднял свой бокал.

– За Ли.

– С ним, – сказал Буш, – то, что делал я, не имело значения. Ли мог уничтожить любого. Он был отличным плохим парнем.

К этому моменту стало ясно, что у президентских высказываний есть тема или, по крайней мере, подтекст. Он сомневался, как это периодически бывает с президентами. Ничего ужасного не случилось, но ничего хорошего тоже.

Не было ничего ужасно плохого, но было очень много не очень хорошего. Экономика, кризис с банками, роль его сына в этом кризисе, ослабление влияния над Японией и Германией, растущая безработица и в целом недостаток уважения к нему. Кто знал, как это может использовать сильный противник. Не то чтобы демократы были достаточно умны,

чтобы найти подходящего соперника, но вдруг они выберут победителя по ошибке? Бейкер понял, что причиной этого смутного беспокойства могла стать смерть Этуотера. Это было похоже на потерю особого оружия. Или на вступление в войну с условием, что у тебя с врагом может быть только одинаковое количество оружия.

– В конце он поверил в Бога, и я рад за него, – сказал Буш, как будто процитировал куплет народной песни.

Возможно, дело было в «Хальционе». Или в скотче. Бейкер чувствовал себя расслабленным, но в то же время сильным и властным. Даже пальцы на ногах больше не болели, и не было того неприятного предчувствия в животе.

– Джордж, – сказал он, – мне надо тебе кое-что сказать.

– Что такое, Джимбо? – спросил Буш, устраиваясь поудобнее под президентским покрывалом с большой монограммой посередине. Бейкер продолжил:

– Прямо перед смертью он позвал меня к себе. Ему хотелось что-то сообщить.

– И что же?

– Ну, он оставался плохим парнем до конца.

– Что, не стал молить о прощении за то, что повесил Вилли Хортон на Джорджа Дукакиса?

– Буши, он дал мне кое-что. Свою последнюю предвыборную уловку. Свое секретное оружие.

– Оно касается всех, кого могут выдвинуть демократы?

– Оно касается нас. Должен сказать, что первым делом,

прочитав это, я решил, что он сошел с ума. Что это нужно уничтожить. Но я не стал этого делать. В его записке есть какая-то странная логика. Есть, и все. Но это безумный вариант. На мой взгляд.

– Она у тебя? – спросил президент.

Бейкер поднялся со своей кровати – кровати Барбары – и подошел к своему портфелю. Он открыл кодовый замок и достал сложенные бумаги. На мгновение пожалев, что вообще заговорил о них, он сказал:

– Никто, кроме нас с тобой, этого не видел.

Затем он передал их Джорджу Герберту Уокеру Бушу, который включил свет над кроватью, надел очки для чтения и начал читать последнюю великую аферу Ли Этуотера.

Глава седьмая

У вас бывало такое, что все переворачивалось с ног на голову? Когда мир в один миг становился совершенно другим?

Объясню, что я имею в виду под этим чувством: 1967 год, Вьетнам. Нас несколько человек, только что прибывших из Южной Каролины. Морские пехотинцы идут в I корпус – центральный район Вьетнама, который включает пять провинций, от Куангчи до демилитаризованной зоны. Города Хюэ – старая имперская столица – и Кхешань находятся в I корпусе. Мы худые и злые, слабоумные и отважные. Мы как в фильмах Джона Уэйна: морские пехотинцы явились надирать задницы. Конечно, мы тут же на неделю застреваем на сортировке в Дананге. Нам нечего делать. Мы скучаем, напиваемся, ввязываемся в драки, зарабатываем триппер, смотрим, как мимо провозят мешки с трупами, и думаем, что они сами были виноваты. Уж наверное они были не морпехи.

Наконец нас распределяют на север, в Кхешань – на военную базу в северо-восточной части страны. Это было не то, что позже назвали осадой Кхешани. Та была в январе 68-го года.

Нас отправляли в патруль. Обычно на день. Иногда на два или три. Было сыро. Дождь и туман. Вся страна – тропический лес, тройной полог. Крутые горы. Много оврагов. Ничего не происходит, только у четверых парней с конца начи-

нает капать – им нужны уколы пенициллина, их ноги начинают гнить, но никто не знает, что делать. Мне шестнадцать, большинству ребят по восемнадцать-девятнадцать, старшему лейтенанту около двадцати трех. Все мы полны тестостерона, мачизма, называйте, как хотите, но это еще тупее и унылее, чем мирная жизнь и безденежье.

Идет третья неделя патрулирования. К этому времени новичкам уже разрешают ходить по точкам. На третий день наступает моя очередь. Это напрягает. Но ничего не происходит. Кроме дождя. Все намокает. Мы карабкаемся вверх и карабкаемся вниз. Мы скользим и падаем. Как это всегда бывает, дискомфорт усиливается, а страх и бдительность пропадают. Но мы возвращаемся к периметру. Живые. Так я узнаю, что бессмертен. Мокрый и подавленный, с зудом в промежности и в ногах, но все-таки бессмертный. Четвертый день. Я иду вторым в паре метров позади точки. Все так, как и всегда. Только моросит дождь. Вне леса видимость могла быть метров семь. В лесу – два, может быть, три.

Я отстаю на пару метров. Вдруг я вижу прямо под ногой впередиидущего проволоку. Время останавливается. Я знаю, что проволока подключена к гранате. Еще я знаю, что граната принадлежит патрулю вьетнамской армии, таким же убийцам, как мы, и все мы находимся внутри штуки, которая живет сама по себе, как огромный зверь, имя которому – война. С этого момента все навсегда изменилось.

Телефонный провод – это в некотором роде то же самое.

Это маленький кусочек проволоки, который я не вижу, но могу обнаружить с помощью прибора. Я знаю, что он ведет к слушателю, этот слушатель работает в организации, например, в «Юниверсал Секьюрители», которая связана с кем-то еще более крупным, потому что «Юниверсал» ничего не делает сама, ее всегда нанимает кто-нибудь другой. Там есть сила, огромный зверь, который наблюдает. Я только что его заметил.

Глава восьмая

Air Force One взлетел над зоной турбулентности. Внизу бушевали всевозможные бури, а здесь, наверху, царило подобие рая. Стальной кокон плыл рядом со звездами. Превосходный скотч. Отличная еда. Преданные слуги. Джеймс Бейкер смотрел, как президент читает записку Ли Этуотера. Когда Буш дочитал, он воскликнул:

– Господи, мать твою! – те же слова, которые произнес его госсекретарь. Они вообще были на одной волне.

– Вот-вот, – поддержал его госсекретарь.

– Кто-нибудь видел это?

– Я и ты, – ответил Бейкер.

– Вот уж действительно, – сразу перешел к сути. Ли Этуотер даже со смертного одра умудрился бросить крученный мяч¹⁶. Тут ты либо забиваешь очко, либо выбываешь из игры.

¹⁶ Джордж Буш был печально известен своим стилем речи: «Свободное владение английским языком – это то, в чем меня нечасто упрекают» (06.06.1989 г.). «Мой партнер по выборам вырвался вперед. Он был автором закона о партнерстве по подготовке кадров. Теперь из-за всего этого шума и акул, почуявших каплю крови в воде, никто об этом не помнит». 03.11.1988 г. «Я думаю, некоторые различия были, без сомнений, и еще будут. Мы говорим здесь о крупной, крупной ситуации. [...] Я имею в виду, что у нас есть хорошие связи в экономике, в безопасности и все такое, мы не должны упускать это из виду». 10.01.1992 г.

– Это точно, – согласился Бейкер.

– В этом есть смысл или у него совсем крыша поехала?

– Буши, честно говоря, я не знаю. Ситуация должна стать предельно серьезной, чтобы мы об этом задумались.

– Экстремизм в защиту добродетели – не порок.

– Главное, чтобы никто, кроме нас с тобой, не увидел этот листок.

– Ты прав, – сказал президент. – Я хочу перечитать его. А потом уничтожить.

Это был не очень большой документ. Он был хорошо продуманным, лаконичным и конкретным. Только такая записка действительно способна повлиять на президента. Он слишком занят, чтобы думать о сложном.

Буш прочитал записку еще раз. Три фразы он произнес вслух: «Голливуд?!», «Надо уничтожить» и «Боже, мать твою». Совсем скоро подействовал «Хальцион». Он так и заснул с листком в руках. Бейкер уже был в отключке.

У экипажа была привычка подслушивать, что происходит в салоне у президента. Не из злого умысла. Только для того, чтобы лучше обслуживать его, чтобы появляться с напитком или ужином чуть раньше, чем их позовут. Чтобы быть готовыми оказать услугу, как только о ней подумают. Они приучили себя не слышать слов, которые предназначались не для них, подобно тому, как работники сцены вежливо игнорируют голые груди, когда им приходится заходить в женские примерки.

Когда Стэн, старший бортпроводник, услышал двухголовый храп, он понял, что оба его пассажира отключились. Он тихо вошел, чтобы убрать грязные стаканы и посуду и укрыть мужчин, если они заснули поверх одеял.

Он застал президента с головой на подушках, очками для чтения на носу и запиской Ли Этуотера в руке.

Стэн снял очки с носа президента. Буш, лежавший в объятиях снотворного и скотча, ничего не заметил. Затем Стэн взял бумагу из рук президента.

Он взглянул на нее лишь на миг, чтобы понять, куда следует ее положить.

ЗАПИСКА ОТ: Л. Э.

КОМУ: ДЖ. Б. Ш / ТДВГ

Война всегда была приемлемым политическим ходом, во всех обществах, во все времена. Мы, выросшие на Юге, знаем, что значит чтить наших...

Стэна зацепила аббревиатура «ТДВГ». Он имел дело с разными документами: с секретными, совершенно секретными, совершенно секретными для разных уровней, «Ультра», но надпись «Только для ваших глаз» он видел впервые. Он так впечатлился, что не заметил «ДЖ. Б. Ш». С самыми лучшими намерениями он аккуратно сложил записку по линиям сгиба и положил в портфель президента.

Когда на следующее утро президент и госсекретарь проснулись и не увидели записку Этуотера, каждый из них решил, что другой уничтожил ее – документ, который, как

они договорились, никто не должен был увидеть.

Глава девятая

Фрэнк Шихан прилетел из Чикаго. Он был одним из восьми исполнительных вице-президентов «Юниверсал Секьюрити». Пять из них руководили департаментами, имеющими точные названия: «Бухгалтерия и финансовые вопросы», «Продажи», «Менеджмент и обучение», «Правительственные отношения» и «Заграница». Остальные трое работали в отделе под названием «Особые вопросы». Это был отдел Шихана.

Фрэнк был крупным мужчиной, который играл в футбол в старших классах и на первом курсе. Он считал, что спорт воспитывает характер. С тех пор он поправился на десять кило, но, по его собственному мнению, с ростом метр девяносто он мог себе это позволить. Когда-то Фрэнк подумывал о семинарии. Но он был для этого «слишком мужественным». Все ему так говорили. В целом, он был рад, что прислушался. Вместо этого он поступил на службу в ЦРУ. Оно удовлетворяло многие из тех же потребностей, что и церковь, хотя бывали моменты, когда Управление казалось настолько провальным и несовершенным, что его вера подвергалась серьезному испытанию. Но он понимал, особенно после короткого пребывания на должности помощника начальника отделения в Риме, что ему пришлось бы столкнуться с точно такими же кризисами в Римско-католической церкви.

Главным преимуществом ЦРУ над церковью, помимо разрешенного секса, было то, что работа хорошо оплачивалась, а также то, что он приобрел навыки, которые впоследствии можно было перенести в частный бизнес, где оплата труда была еще выше.

С госслужбы его завербовал легендарный Картер Гамильтон Банкер¹⁷, основатель и генеральный директор «Юниверсал Секьюрити». Сам К. Г. отправил Шихана в Лос-Анджелес, чтобы тот стоял за плечом у Мэла Тейлора и давал ему понять, насколько важно это дело.

– Покажи им всем, – буквально говорил он.

Что-то в его речи и манерах всегда заставляло Шихана чувствовать, что он говорит с Богом. Не с католическим Богом – это было бы богохульством. Просто с Богом в исполнении Джона Хьюстона.

Шихан прибыл без предупреждения. Мэл Тейлор получил высокую должность не потому, что игнорировал бумажную работу. Его досье по делу было актуальным и хорошо организованным. Не все было идеально, но все важное было на месте.

– Мы никогда не сомневаемся в людях, которые работают на месте, – сказал Шихан Тейлору. – Ты здесь главный. Я просто хочу держать босса в курсе событий.

¹⁷ Это вымышленное имя. Но читатель может предположить, что в данном случае персонаж создан по образцу вполне реального человека, учившегося в Йельском университете и работавшем в УСС и ЦРУ, а после основавшего компанию, которая занимается расследованиями и безопасностью.

Тейлор истолковал это следующим образом: если что-то пойдет не так, его схватят за задницу. Виноват будет он и только он.

– Нет проблем, – сказал он. – Вообще-то я рад, что ты здесь. И я приветствую некоторый надзор в этом деле.

Он подразумевал, что теперь, когда Шихан просмотрел досье, он все равно что подписаться под ним, а значит, его тоже схватят за задницу.

Фрэнк достал серебряную авторучку за 97 долларов, которую жена подарила ему на двадцать пятую годовщину, и кожаный футляр с тиснением, где лежал маленький блокнот, подаренный на двадцать третью годовщину. Он аккуратно и торжественно положил их перед собой.

– На общем фоне выделяется только дело с Джозефом Брозом и Магдаленой Лазло. Насколько я понимаю, она пришла, пригласила его на чашку кофе и предложила поработать у нее телохранителем. Вы решили не сообщать ему, что мы следим за ней?

– Это было мое решение, – ответил Тейлор. Бессмысленно отрицать или отнекиваться. Это было написано прямо в том в файле, который он сам составлял.

– Почему? – мягко спросил Шихан.

Несмотря на внушительные размеры, он выглядел мягким – как и многие сотрудники ЦРУ. Толще в талии, чем в груди, шире в бедрах, чем в плечах. Волосы как из парикмахерской. По воскресеньям он предпочитал переодеваться в

клетчатые рубашки и жарить барбекю. Мягкий, обычный. Но это не значило, что не способен отдать приказ об увольнении или, при других обстоятельствах, об устранении. Ему приходилось делать и то и другое.

Это решение могло положить конец карьере Тейлора. Оно нарушило несколько основных корпоративных правил. И не напускных, фальшивых правил, а самых настоящих. Тем не менее любое правило можно было нарушить, если причины были достаточно вескими, а результаты – правильными.

– Позвольте мне ответить откровенно, – сказал Тейлор. – У нас есть определенные ограничения по этому делу. Главное из них заключается в том, что никто не должен говорить мне, о чем идет речь. Если кто-то будет слишком настойчиво спрашивать, над чем работает Джон Линкольн Бигл, нам придется сообщить об этом в ваш офис и клиенту. Не его секретарю. Не его помощнику. Только ему, напрямую. Если бы я знал, что именно должно храниться в секрете, то мог бы отделить зерна от плевел. Но я не знаю. Если вы хотите рассказать мне об этом, я буду признателен, но мы будем продолжать в любом случае.

Тейлор хотел сказать: «Если что-то пойдет не так, потому что нам не сказали, за чем нужно следить, это будет ваша вина».

– Вторая вещь заключается в том, что вся информация по этому заданию передается только тем, кому совершенно необходимо ее знать. – Хотя это не являлось стандартом в

«Юниверсал», определенная часть их работы выполнялась по такому принципу, и ожидалось, что сотрудники не будут обсуждать эти дела даже с другими сотрудниками. В отделе менеджмента и обучения считали, что это полезно для корпоративной атмосферы, а отдел продаж утверждал, что такая практика идет на благо имиджу компании. – Я сделал вывод, что секретность является основным принципом в этом деле.

– Я не смотрел досье Джо, – сказал Шихан, – но, если мне не изменяет память, он работает у нас уже давно. Это о чем-то да говорит. Я могу получить его дело? Если бы у нас были причины не доверять ему, он бы здесь не работал, верно? Похоже, ты мог бы использовать его как двойного агента.

– Фрэнк, я должен сказать: все, касающееся этого дела, требует максимальной секретности.

Мэл вызвал по внутренней связи мисс Слиго, своего секретаря. Это была очень трудолюбивая женщиной с проседью. Разобравшись со скопившимися делами, она была глубоко погружена в журнал «Премьер».

– Броз, Джозеф, личное дело, как можно скорее, – приказал Мэл.

– Итак, первым делом он подал запрос на проверку дома?

– Да, – ответил Тейлор. – К счастью, он попросил того же человека, который устанавливал прослушку. Так что нам повезло – он уже был в курсе дела.

– Какое совпадение.

– Вовсе нет. Я поручил установку Рэю, потому что он луч-

ший. Броз тоже это знает.

– А если Броз каким-то образом догадается, что Матусоу ввел его в заблуждение?

– А что в этом плохого? – спросил Тейлор. – Он придет и скажет, что Рэй накосячил. Ну и ладно. Тогда мы вернемся и уберем пару жучков.

Раздался стук в дверь. Тейлор открыл. Это мисс Слиго принесла личное дело. Тейлор взял его, закрыл дверь и передал досье Шихану.

Шихан сказал:

– То есть ты ожидаешь от Джо нарушения протокола? Я правильно понял?

– Она красивая женщина, – категорично заявил Тейлор. – Ради красивой женщины мужчина способен на многое. Например, первоначальное интервью. Где запись? Отмазка о том, что батарейки сели, очень хлипкая, вам не кажется?

Первым делом Шихан взглянул на военное досье Джо.

– Старик, – он имел в виду К. Г. Банкера, потомка Банкер Хилл Банкеров и дальнего кузена Элсворта Банкера, который был послом во Вьетнаме во время войны, – любит героев. Еще больше ему нравятся герои из числа морских пехотинцев. Он всегда приводит в пример Роба Блоха.

Блох был исполнительным вице-президентом по продажам, который всегда повторял: «Говорите, что у нас больше героев войны, чем у Вакенхата или Пинкертон. Говорите, что больше героев войны, чем у нас, есть только на Ар-

лингтонском национальном кладбище. Говорите, что мы поручим работу человеку, который получил “Серебряную звезду”, сражаясь за свою страну. А если клиент не подпишет, скажите, что назначите человека, награжденного медалью Почета. Если он и тогда не подпишет, значит, он не американец и он нам не нужен».

– Это только начало, Мэл. К тому же Броз работает в компании дольше, чем ты.

– Я собираюсь пойти на крайность, – сказал Тейлор. Он хотел сказать, что и так уже перешел все границы. – У меня есть сомнения в преданности Джо Броза.

Тейлор подумал, не позволил ли он в этот раз желанию взять верх над рассудком. Такое бывало. Не позволил ли он своей личной цели – уничтожить Броза – стать важнее задания? С точки зрения правил – да. Но самое интересное, конечно, то, что он был прав.

Шихан продолжал читать. Он дошел до того, чем занимался Броз после службы в армии, и нахмурился. Пролистал вперед, просмотрел послужной список Джо в «Юниверсал» и увидел то, что ожидал. Он поднял глаза:

– Когда я увидел его имя, я подумал, что это тот парень, о котором мы говорили. Он выполнял кое-какую работу для моего отдела.

Многие виды работ подпадали под юрисдикцию отдела по особым вопросам просто потому, что они были слишком широкими, или слишком узкими, или слишком разными, что-

бы вписаться в одну из категорий обычных служб. То, что работа относилась к специальным вопросам, не обязательно означало, что она имела политический или юридический аспект, что она требовала чрезвычайной осторожности или была связана с повышенной опасностью. Но могло быть и так.

– Он всего лишь оперативник, но я надеюсь, что вы правы.

– Я знаю, что у него хорошее досье. Но я нутром чую, – ответил Тейлор.

– Интересно.

– Так что пусть это будет небольшая проверка для него. Маленькая ловушка. Послушайте, Фрэнк, по-моему, мы в любом случае окажемся в выигрыше. Если она натравит его на Бигла, он должен прийти и сообщить об этом нам. Форма Ю: С-1¹⁸ в трех экземплярах: один для офиса, один для клиента, один для оперативника. А если он этого не сделает, то мы гарантированно узнаем об этом по прослушке в доме. У меня есть способ все перепроверить, если по какой-то гребаной причине мне покажется, что мы что-то упустили, используя только аудиоматериалы. Если он окажется предан компании, все будет в порядке. Если нет – что ж, убьем двух зайцев одним выстрелом.

– Ну, – сказал Фрэнк, – дело твое. Я просто хотел, чтобы

¹⁸ Все задания в «Юниверсал» включают раздел «Цель работы». Таким образом, все, особенно клиент, четко понимают, что они пытаются сделать. В случае изменения цели необходимо заполнить форму Ю: С-1. В форме спрашивается, кто запросил изменение, почему и как это повлияет на выставление счетов. Внизу есть приписка, гласящая, что это обязательное финансовое соглашение.

ты знал, что эта работа много значит для К. Х. Ты должен сделать все, что потребуется.

– Хотите, чтобы я приставил к нему пару дополнительных людей? К ним обоим? Устроил слежку?

– Мэл, скажу тебе как другу. В этом деле не должно быть ни единой промашки. Отнесись к нему как к самому важному делу своей жизни. Если что-то пойдет не так, ты окажешься по уши в дерьме. Я говорю тебе это как друг.

Это означало: «Я тебе совсем не друг. Если ты облажаешься, я посажу тебя на сковородку, чтобы убереечь собственную задницу от огня».

Тейлор прекрасно понял, что именно подразумевал Шихан.

– Я отправлю четверых. Все будет как надо.

«А если Броз окажется предателем, – подумал он, – я его урою». В этот момент Тейлор имел в виду только карьеру Броза. Он собирался уволить его. Лишить пенсии. Несмотря на чрезмерную секретность вокруг этого дела, у Тейлора не было причин думать, что они играют с более высокими ставками. Пока что не было.

Глава десятая

После жучка в телефоне я нахожу остальные микрофоны. Затем вывожу Мэгги на пляж, поближе к воде, где могу рассказать ей о них. Ее первая реакция – позвонить в «Юниверсал» и потребовать вернуть деньги.

– Так нельзя, – говорю я.

– Этот человек некомпетентен, – заявляет она.

– Он не некомпетентен. В том-то и дело. Даже Рэй Мату-соу мог случайно не заметить один микрофон. Но восемь – это не случайность. Это специально. Это говорит нам о том, что он один из них. Кто бы ни следил за тобой, по какой бы причине это ни происходило, Рэй работает на них.

Я знаю Рэя. Мы с ним работали вместе восемь лет. Он бывший сотрудник ФБР. Вдовец с тремя детьми, один еще учится в колледже. Недавно Рэй женился во второй раз на женщине с двумя маленькими детьми. У него есть дом с лужайкой и спринклером. Летний домик у озера в Сьерра-Невада. Он тратит не больше, чем может себе позволить, рассчитывает на бонусы за выслугу лет и нуждается в пенсии. Он – человек компании.

Рэй мог это сделать только по приказу «Юниверсал».

– Так давай пошлем «Юниверсал» к черту, – говорит Мэгги. – Уволим их и вернем наши деньги, а если они не захотят их отдавать, пусть общаются с моими адвокатами.

– Надо думать шире, – отвечаю я. – Здесь происходит что-то очень необычное. Возникает конфликт интересов: «Юниверсал» согласился взяться за твое дело, и в то же время они ведут за тобой наблюдение.

– Конечно, это конфликт интересов, – кивает она.

– У нас так не принято, – говорю я.

– Не глупи. Ты работаешь на корпорацию, а она делает то, за что ей платят, а не то, что этично.

– Я не говорю, что мы не станем этого делать. Я хочу сказать, что так не делается. Если станет известно, что мы шпионим за своими клиентами, то клиенты перестанут нам доверять. И мы потеряем бизнес. Поэтому для такого должна быть очень веская причина.

Если мы с Рэем Матусоу работаем друг против друга и он мне лжет, это тоже плохо. Наш резервный игрок должен нас поддерживать. Команда должна быть на нашей стороне. Если окажется, что один из твоих парней работает против тебя, все может пойти прахом. Поэтому мы так не делаем. Если только нет очень серьезных оснований.

Кроме того, я уже долгое время работаю в компании. Я делал для них вещи, о которых нельзя говорить, и я никогда о них не говорил. Чтобы вычеркнуть меня из обоймы, должен быть особый повод.

– Я же предупреждала, это серьезно, – говорит она.

– Да, предупреждала.

– Но ты мне не поверил. Ты хотел подождать и убедиться

сам.

– Это часть моей работы.

– По должностной инструкции, – говорит она, – ты работаешь на меня. И я думаю, нам пора это прояснить.

Ее слова ставят меня в тупик.

– Да, мисс Лазло, я действительно работаю на вас. Но я профессионал. И я намерен все делать профессионально. Если это вообще возможно. Если бы ты пришла к своему адвокату и попросила его подать иск, который ты наверняка проиграешь и навредишь своей карьере, он бы отказался и правильно сделал.

– И я бы его немедленно уволила.

– Может быть. А может, и нет. Если бы ты пришла к дилеру «Порше» и попросила механиков отключить тебе тормоза, потому что ты хочешь водить без тормозов, они бы отказали. Если бы ты пришла к своему врачу и попросила морфия, потому что только он делает тебя счастливой, он бы отказал.

Кажется, я моментально озвучиваю то, что люди обычно не говорят и потом жалеют об этом. На самом деле многие клиенты просят нас делать опасные, незаконные или просто глупые вещи. Это происходит настолько часто, что руководство разработало целый ряд ответов, которым нас учат на семинарах по работе с клиентами. Я более или менее дословно цитирую фразы из раздаточных материалов, страницы которых были с перфорацией – специально для вставки в наши

инструкции.

Она замолкает и смотрит на меня. Искренне, но без раскаяния она говорит:

– Прости меня, Джо. Это было... – она подыскивает слово, – ...грубо. Мне не стоило говорить с тобой как с прислугой.

Но меня это раззадорило, и я решаю еще ее подстегнуть.

– Пойми, что мои слова о Рэе Матусоу, бонусах за выслугу лет и пенсионных фондах на самом деле обо мне. Я считаю, что он не пойдет против компании, потому что знаю, как бы мне было тяжело решиться на это. Я могу многое потерять, если пойду против них и встану на твою сторону.

– Да, наверное. Мне стоило об этом подумать. Но я решила, что ты взрослый мужчина и можешь сам принимать решения. Я тебя не умоляла и не заставляла.

– Еще ты должна понять, – говорю я, – что «Юниверсал» очень мстительные. Они преследуют предателей.

– «Предателей»... Как грубо.

– Мэгги, взгляни на меня, – и вот моя очередь. Я кладу руки ей на плечи и смотрю прямо в глаза. – Ты не понимаешь, кто мы такие. Мы носим дешевые костюмы, ведем себя скромно, и любой, у кого есть пара тысяч, может нанять нас. Но почти все в нашей компании – сотрудники ФБР, ЦРУ, полицейские, военные. Почти все мы служили. Те из нас, кто постарше, прошли Вьетнам. Мы выжили в мясорубке. Мы носили М-16, кидали гранаты и устанавливали мины. Мы ви-

дели, как умирали и страдали наши друзья. Не надо нас недооценивать. Серьезные люди редко бывают похожи на Сильвестра Сталлоне или Чака Норриса.

– То есть ты хочешь отказаться? Это ты пытаешься сказать?

– Нет. Я пытаюсь сказать, что если мы продолжим, нам обоим нужно отнестись к этому серьезно. Слушай, может быть, я ошибаюсь, может быть, это какая-то ерунда, просто ты переспала с какой-то большой шишкой, или его жена думает, что ты с ним переспала. Но мне так не кажется. У меня такое чувство, что я ради тебя ставлю на кон свою работу, не меньше. Ты-то получаешь по полтора миллиона за фильм, и тебе это может казаться мелочью, но у меня за плечами много лет работы, и для меня это важно. Вот что я думаю.

– Так чего ты хочешь, Джо? Давай, скажи мне, чего ты хочешь.

Она тяжело дышит, и я тоже. Нас хлещет ветер и мелкие соленые брызги, которые должны охлаждать, но от нас обоих исходит жар.

Может быть, мне стоит набраться смелости и сказать ей, сказать: я хочу уложить тебя, хочу войти в тебя, ходить с тобой в обнимку, чтобы весь мир видел. Но я говорю:

– Я хочу, чтобы ты отнеслась к этому серьезно. И ко мне. Это наше общее дело. Или ты можешь нанять кого-нибудь другого, а я вернусь на работу и пойду расследовать махинации с акциями, растраты и супружеские измены.

– Я на это согласна, – говорит она.

Я все еще держу ее за плечи. Наш зрительный контакт наэлектризован и кажется неразрывным.

– Да, я могу воспринимать тебя всерьез. Я всегда так и делала.

Мы смотрим друг на друга. Она немного приоткрывает дверь:

– Это все? – спрашивает она.

– Нет. Конечно, нет, – говорю я.

Я притягиваю ее ближе. Медленно. Мы не отрываем друг от друга взгляда. Она не говорит ни да, ни нет. Я чувствую жар ее тела еще до того, как оно касается моего. Ветер треплет ее волосы, развеивает их, а затем я чувствую, как они касаются моего лица. Бывали женщины, с которыми я целовался, но не чувствовал и половины того, что чувствую от прикосновения раздуваемых ветром волос Мэгги. Мои руки все еще на ее плечах, мы медленно тянемся друг к другу. Когда я был ребенком, я ходил в кино на разные фильмы – ковбойские, военные – и там всегда были сцены поцелуев. Я ненавидел их. Может, вернемся к стрельбе и дракам, а? Даже когда я вырос, мне не нравилась романтика и секс на экране. Влюбленность, когда она есть в твоей жизни, кажется величайшей драмой в мире, не хуже смерти, но смотреть там не на что. Однако я подумал, что после всей этой романтической и кинематографичной истории с Мэгги я изменюсь и когда увижу на экране поцелуйчики в следующий раз, то

наконец-то проникнусь. И вот мы здесь, в Транкасе, на берегу Тихого океана, вокруг бушуют волны, дует ветер, свет великолепен, женщина еще краше. Мои руки на ее плечах, наши губы так близко, что мы чувствуем электрический заряд, исходящий друг от друга. Субатомные частицы, электроны, аура – называй как хочешь. Осталось преодолеть лишь расстояние толщиной с листок бумаги.

И мы преодолеваем его. Ее губы касаются моих. Это уже второй поцелуй. Я осмеливаюсь поцеловать ее в ответ. Мне уже за сорок, а я считаю поцелуи, как в четырнадцать лет. Тела следуют за губами. Прикосновения. Я чувствую, как ее соски напрягаются, а бедра расслабляются. Она прижимается ими ко мне, я твердею и знаю, что она это чувствует. Ее рот страстно приоткрывается.

И вдруг она отступает назад. Не резко, но решительно.

– Нет. Прости. Нет. Я не могу сейчас.

– Почему? – рычу я. Мне хочется вести себя как подросток, обзывать ее словами, которыми называют девушек, которые так поступают: дразнят нас тем, чего мы хотим больше всего, а потом оставляют ни с чем.

– Я не знаю. Мы должны...

– Должны что?

– Выяснить, что происходит, Джо. Эта проблема висит надо мной... Я не хочу ничего решать.

– И что ты собираешься делать? Отложить всю свою жизнь на потом?

– Ты что-то делаешь со мной, Джо. Правда. В тебе что-то есть. Что-то настоящее. Но я не прыгаю в постель с любым парнем, который меня заводит, или всякий раз, когда мне хочется. Я просто не делаю этого. У нас с тобой серьезные отношения, Джо. Очень серьезные. А если мы ляжем вместе в постель, все будет еще серьезнее. Ты не из тех парней, которые встают с утра пораньше, пока я притворяюсь, что еще сплю, натягивают штаны, уходят и больше не возвращаются.

Конечно, я такой и есть. По крайней мере, я был именно таким. Много раз я поступал так, зачастую даже не ждал, чтобы тихо ускользнуть. Со многими женщинами, с которыми я был за свою жизнь, я просто клал деньги на стол и уходил. Но Мэгги права, с ней я не буду таким парнем. Я буду рядом с ней вечно.

Я играю роль шофера-телохранителя. Эту роль я уже играл раньше. Когда мы куда-то едем, я болтаю с обслуживающим персоналом и пытаюсь узнать что-нибудь полезное.

Мэгги несчастна. Не очень приятно, должно быть, осознавать, что кто-то подслушивает каждое твое действие. Не только разговоры, но и когда ты ешь, ходишь в туалет, хранишь, кряхтишь или поешь в душе. Кажется, она пытается выплеснуть напряжение, бросившись в работу с головой. Она просит и читает новые сценарии. Она ходит на обеды, ужины и вечеринки. Она общается со своими адвокатами и бухгалтерами, с продюсерами и финансовыми махинаторами. Это хорошо, потому что почти каждая поездка – возмож-

ность для меня с кем-то познакомиться. Большинство людей в Лос-Анджелесе водят машину сами, но если нет других шоферов, я знакомлюсь с метрдотелями или с парковщиками. Если мы едем к кому-то домой, я разговариваю с горничной, поваром или садовником. Все они гордятся своими звездами или влиятельными людьми, у всех есть истории, которые они могут рассказать.

Официант в «Мортоне», вышедший на улицу на перекур, рассказывает мне, как Брайан Де Пальма бросил свою подружку. Я спрашиваю его, знает ли он Бигла. Он говорит, да, Бигл постоянно приходит. Точнее, раньше приходил постоянно. А теперь он заболел. Я спрашиваю, чем. Официант делает глубокую, грустную затыжку и отвечает, а ты как думаешь, мужик, а ты как думаешь?

Мэгги посылает меня за одеждой в «Симонетс». Продавщица по имени Тама говорит мне, что Ванесса Своллоу¹⁹, поп-звезда, – лесбиянка, увлекающаяся straponами. Тама клянется, что лично видела, как Ванесса надевала один из них в подсобке, чтобы швея могла снять с нее мерки и переделать целый комплект нижнего белья под этот агрегат. Я спрашиваю Таму, приходил ли туда Бигл за покупками. Она отвечает, что нет. Потом она просит меня об услуге. Я спрашиваю, о какой. Она говорит, что у нее есть парень, скорее лучший друг, она любит его больше всех на свете, но у них открытые отношения в сексуальном плане, если я правиль-

¹⁹ Псевдоним.

но понимаю, о чем она. Он очень талантлив и умен, и он написал сценарий, который идеально подошел бы Магдалене, просто идеально, если бы я мог показать его мисс Лазло, просто оставить его на сиденье ее машины, знаете, это было бы для них обоих большим подспорьем, потому что, когда Магдалена прочитает его, она будет вне себя от радости.

Чтобы поговорить, мы с Мэгги либо выходим на пляж, либо включаем громкую музыку. Если выбираю я, то это кантри. Мы шепчемся прямо перед колонками. Она говорит, что ей начинает нравиться Хэнк Уильямс. А вот Хэнк-младший ее бесит, потому что он постоянно переключается между умным и тупым. Еще ей нравится Вилли, но, по ее словам, он нравился ей еще до меня. Но в основном она начинает терять терпение. Ей не нравится ждать.

Я слышу историю о Нике Джексоне и песчанке по крайней мере раз в день, и каждый человек, который рассказывает мне ее, говорит, что лично слышал ее либо от врача, который собственноручно удалил грызуна из его знаменитой прямой кишки, либо от врача, который очень близко знаком с этим врачом²⁰.

Аарон Спеллинг устраивает небольшой званый вечер. Во-

²⁰ Псевдоним, но сам слух реальный и удивительно широко распространенный. Даже упоминался в печати, по крайней мере, в виде карикатуры, в национальном журнале. Это совершенно типичный голливудский слух, включающий звезду с громким именем, извращенный сексуальный акт, а в качестве называемого источника – человек, имеющий близкое отношение к этой звезде (горничная, врач, водопроводчик, шофер и т. п.).

датель, который привозит Кеннета Брану, встречается с горничной, которая, по его словам, является лучшей подружкой горничной Мелани Гриффит. Он рассказывает, что когда Мелани была беременна, она делала особые упражнения, чтобы сразу после родов снова начать заниматься сексом с Доном Джонсоном. Она просто не могла вынести мысли о том, чтобы не заняться этим прямо на следующий день²¹. Я спрашиваю его, знает ли он Бигла. Он говорит, что да, он как-то раз возил его. Я спрашиваю, когда. Говорит, всего пару недель назад. Я спрашиваю, выглядел ли он больным? Я слышал, что он болен, говорит парень, но выглядел он нормально. Может, бледноват, да и только. Они с женой сильно поссорились. Из-за чего? Из-за их сына. Бигл подарил сыну игрушечных солдатиков, и жена была в ярости. Ребенку очень хотелось, сказал Бигл. Мне все равно, сказала его жена. Настоящая, что называется, мегера. Я бы назвал ее стервой. Если жена так разговаривает с мужем, ее нужно воспи-

²¹ Еще один типичный слух. Автор услышал его в Нью-Йорке от очень искусственной представительницы издательства тридцати с чем-то лет, которая была полностью уверена в правдивости истории. Слух интересен тем, что легко проследить искажение, которое его породило. Многие современные акушеры и акушерки учат своих беременных пациенток делать упражнения, которые заключаются в сокращении мышц влагалища. Они называются упражнениями Кегеля и предназначены для того, чтобы подготовить мышцы, которые скоро будут сильно растянуты, к восстановлению их нормальной работы после родов. Это делается как для общего здоровья, так и для восстановления сексуальной функции. Таким образом, совершенно обычная процедура, которую обычные акушеры-гинекологи прописывают обычным женщинам, превращается в историю о сексуальной ненасытности, извращенности, доступной лишь немногим.

тывать, если вы понимаете, о чем я. Но это не мое дело. Я просто вожу машину, я не критикую.

Мэгги выходит с Кеннетом Браной. Они останавливаются и недолго разговаривают. Мне их не слышно, но видно, что между ними есть некая теплота и близость. Она прикасается к его руке. Она смеется своим залиvistым смехом. Он целует ее в щеку, ее тело прижимается к его телу и задерживается достаточно долго, чтобы он ее почувствовал.

Я должен быть спокоен. Я стараюсь. Я держу дверь открытой для нее и ничего не говорю. Когда мы едем по Сансет, она ставит диск в проигрыватель. Не кантри. Классика. Делает погромче. Потом говорит:

– Не смотри на меня так.

– Как?

– Как будто ты мне отец или муж.

– Я не отец и не муж, – говорю я.

– Вот именно.

– Ты взрослая независимая женщина, которая время от времени целует меня на пляже...

– Два раза.

– Да, – говорю я. – Два.

– Нам нужно перестать, Джо. Я не хочу, чтобы ты бегал за мной, как щенок. Брана гениален. К сожалению, у него есть жена, которую он безумно любит...

– У них у всех есть жены, в которых они влюблены. С кем ты, по-твоему, разговариваешь? Хочешь послушать счаст-

ливых мужей? У меня есть записи счастливых мужей, которые говорят: «Я люблю свою жену, но она не сосет так, как ты, детка». Однажды я записал жену генерального директора «Даглас Дефенс Индастриз», она говорила тренеру по теннису своей дочери: «Я люблю своего мужа, правда люблю. Но у него штучка куда меньше твоей». То, что он любит свою жену, ни хрена не значит...

– Я к тому, – говорит Мэгги, – что когда он будет снимать следующий фильм, а он собирается снимать еще фильмы, важно, чтобы он помнил о Магдалене Лазло. Например, если он обсуждает с кем-то картину и вскользь упоминает, что было бы неплохо поработать с Магдаленой Лазло. В этом вся суть игры. И если мне придется немного прижаться к нему грудью, чтобы произвести впечатление, я так и сделаю. Не будь ребенком.

– Со мной ты поступаешь так же, Мэгги?

– Иди к черту. Просто отвези меня домой.

На следующее утро она уезжает одна.

Она возвращается где-то в обед. Я сижу на кухне и пытаюсь есть сэндвич, который у меня совсем не вызывает аппетита. Она протягивает мне пакет. Внутри CD-плеер и четырнадцать дисков Вилли Нельсона. Пока я смотрю на них, она уходит в гостиную. Я слышу, как играет альбом Stardust. Это не кантри, но это Вилли. Он поет старую романтическую классику жанра. Я не умею обращаться с компакт-дисками и всем таким – просто не привык к ним. Когда я захожу в

гостиную, она нажимает на какие-то кнопки, и альбом переключается с первой песни на последнюю – Someone To Watch Over Me.

Как сказала Мэгги, наша с ней ситуация была сюжетом многих фильмов.

Но это реальная жизнь, и вряд ли в ней богачка влюбится в шофера.

Глава одиннадцатая

Гарри Трюдо в своем карикатурном комиксе «Дунсбери» издевался над президентом по поводу его ограниченного словарного запаса, создавая впечатление, что президент не может самостоятельно составить предложение. Хотя это часто было правдой, когда он выступал экспромтом, он все же был способен на это при должной подготовке. Чтобы доказать это другим – не Трюдо, который бы все равно этого не увидел, а себе и окружающим – он решил самостоятельно написать свое выступление для группы республиканцев из округа Ориндж и Лос-Анджелеса.

Он хотел затронуть несколько тем и заранее подготовил заметки. Он попросил свою секретаршу достать их из портфеля.

Постоянная секретарь президента заболела. Ее заместительница была в отпуске. Второй заместительнице уже были поручены другие дела. Оставалась лишь Кэрол Бумслитер, женщина из секретариата Белого дома, которая никогда раньше не работала непосредственно на президента. Она делала все, что было в ее силах, и следовала принципу: когда сомневаешься, старайся в два раза сильнее.

Заметки Буша были просто каракулями на обратной стороне конверта. Госпожа Бумслитер, дотошная до мозга костей, не могла поверить, что для выступления нельзя было

постараться получше, даже если оно было не очень важным и почти ничем не отличалось от двадцати предыдущих. Она тщательно обыскала весь портфель, и так, впервые за четыре месяца, оттуда появилась на свет записка Этуотера. Одно-го взгляда на нее было достаточно, чтобы Кэрол испугалась. Не из-за ее содержания. Как и многие люди в правительстве, она дошла до такого состояния, или, возможно, сразу была в таком состоянии духа, когда содержание подобных документов не имело никакого значения. Как и у стюарда Стэна, у нее был допуск к совершенно секретным документам (и даже, технически, к ТДВГ), но она точно не хотела, чтобы кто-то заметил, как она держит в руках что-то, чего ей специально не вручали. Теперь, когда записка побывала в ее руках и на ней остались отпечатки ее пальцев, она должна была принять решение. И в отличие от Стэна она заметила, что письмо было адресовано не Бушу, а Дж. Б. III. Конечно, она знала, кто это. Она не сомневалась, что президенту разрешалось видеть это письмо, но она могла представить себе и то, что Дж. Б. III пропустил его, отправился на поиски и, когда нашел его, пускай и в президентском портфеле, потребовал объяснений. Придет ФБР, проверит отпечатки пальцев – она не знала, как стереть отпечатки с бумаги, а если бы и знала, это не имело бы значения, ведь преступники всегда ошибаются и оставляют следы. Она решила признаться.

Она передала Джорджу Бушу конверт с каракулями, а затем аккуратно сложенную записку от Ли Этуотера. Она из-

винилась за то, что увидела ее, и поклялась, что прочитала не дальше букв ТДВГ.

Если бы в комнате находилась постоянная секретарь президента, он мог бы рефлекторно отдать ей этот документ и сказать, чтобы она сдала записку в архив или уничтожила. Если бы там находился Бейкер, которому она была адресована, Буш мог бы передать его Бейкеру. Но ничего из этого не произошло, а у президента было слишком много дел, и он не смог справиться с задачей, как не справился бы с вопросом о том, должны ли черные носки лежать справа или слева от синих носков в ящике, должен ли Майк следовать за Маком или после Макса в системе регистрации списков вкладчиков, или куда класть законопроекты, на которые он наложил вето²². Поскольку рядом не было никого, кто мог бы

²² Легко издеваться над президентами. Особенно после того, как их стали оценивать по стандартам, которыми оценивают вымышленных персонажей, появляющихся на экранах наших телевизоров. Это нелепо и несправедливо. Телевизионные персонажи раз в неделю появляются в передачах, которые длятся 22 минуты, – всего пару десятков раз в год. Телевизионный персонаж снимается в нескольких дублях, и его ошибки никогда не попадают в эфир. Джерри Форд один раз стукнулся головой, и его на всю оставшуюся жизнь определили в болваны. Ричард Никсон однажды ночью безуспешно попытался открыть зубами пузырек с аспирином, и это стало чертой, определяющей весь его характер и указывающей на его недееспособность. После инцидента с кроликом Джимми Картера навсегда заклеили беспомощным слабаком. А уж когда дело доходит до секса... Например, ходят упорные слухи, что у Буша есть любовницы. Если исходить из убеждения в том, что «власть – это сильнейший афродизиак», при взгляде на Барбару вы получите три варианта: либо Джордж – нормальный мужчина, которого привлекают молодые женщины, поэтому он изменяет жене; либо Джордж предпочитает заниматься сексом исключительно с женщиной, которая выглядит

взять ее у него из рук, и поскольку он не знал, уничтожить ее или перечитать, и поскольку он понятия не имел, куда ее подшить, Джордж Буш положил записку Ли Этуотера в карман. Там она смялась в комок и продолжила напоминать о своем присутствии.

Она лежала там, когда президент забирался в свой вертолет. И она все еще лежала там, когда вертолет доставил его на Air Force One.

Это был рабочий перелет. На борту находились несколько членов его не слишком выдающегося кабинета. У каждого из них были неотложные дела. Кроме того, там были его пресс-секретарь, президентский опросчик – Кенни Моран, одолженный у компании Гэллапа, якобы работающий в Министерстве сельского хозяйства²³, и нынешний глава Респуб-

как карикатурная бабуля; либо Джордж – евнух. Подумайте, какого Джорджа вы хотели бы видеть во главе государства? Только один парень мог успешно быть под непрерывным надзором камер, потому что всю жизнь провел перед камерой. Этот парень – Рональд Рейган. Если эксперимент с Биллом Клинтонем окажется таким же неудачным, как эксперименты с Никсоном, Фордом, Картером и Бушем, возможно, Рейган окажется предвестником грядущих перемен, и практика «исполняющего обязанности» президента станет общепринятой.

²³ Это обычная практика – нанимать людей из избирательных кампаний на государственные должности. Я не знаю точно, получил ли частный опросчик строчку в платежной ведомости Министерства сельского хозяйства, но он продолжал тратить свое время на проведение опросов, их интерпретацию и консультирование президента относительно показателей. Можно предположить, что люди, участвующие в политических кампаниях, постоянно приглашаются на работу федеральным правительством либо просто в качестве вознаграждения за прошлые заслуги, либо для того, чтобы быть востребованными в будущем, либо в качестве оплаты за службу.

ликанской партии, который организовал сбор средств на Западном побережье, куда они все направлялись.

Пять часов полета прошли быстро. Дел было невпроворот. Ни одна из новостей не была катаклизмом или катастрофой. Но ни одна из них не была и хорошей.

Адвокаты Норъеги боролись за размораживание его активов. Это затягивало судебный процесс, и пока он не закончился приговором, вторжение в Панаму рисковало превратиться в фарс. Экономика удручала больше всего. Она просто стагнировала. Финансовый кризис разрастался все больше: от миллиардов – к десяткам и сотням потерянных миллиардов. Его сын оказался втянутым в одну из неразберих. И почему сыновья великих людей всегда такие ничтожества (за исключением, конечно, его самого)? Тот, кто достаточно глуп, чтобы вложить деньги в банк, названный в честь боевика «Сильверадо», должен быть готов к потере и не жаловаться. К счастью, грехи сына никто не возложил на отца. Он и не ожидал этого. В конце концов, Джимми Картер пережил Билли Картера, Рейган пережил и сына, который ушел в балет, и скандалы с дочерью. Но все может измениться. Например, если информация о том, что взрослый мужчина делает со своим пенисом, вдруг разойдется по общественным и политическим кругам (человек несет на своих плечах груз всего мира и при этом не имеет права хоть немного снять напряжение), или если недостатки его отпрысков выйдут наружу. Платежный баланс продолжал скользить не в ту сторо-

ну. Дефицит продолжал расти.

Примерно через четыре часа этих унылых новостей у него появилось ощущение, что он стоит под навесом и ждет, когда закончится дождь. Он словно по-настоящему чувствовал, как на него медленно падают капли воды, которые каким-то образом всегда попадают под воротник. Захотелось в туалет.

Пока его не было, по зашифрованной системе связи наконец-то пришел факс, которого они так ждали. Застегивая ширинку, первым делом он увидел новые показатели. Моран занял наблюдательный пост рядом с аппаратом.

– Что у нас, Кенни? – спросил президент.

– Простите, сэр, но, похоже, еще на четверть пункта меньше.

– Я? Я, лично я?

– Да, сэр. Но это всего лишь четверть пункта.

– Но это тенденция. Вот что важно. Вы же всегда мне так говорите. Разве нет? Следить за тенденцией.

– Да, сэр. Но я просто тот, кто сообщает данные.

– Нет, не просто. Ты – волшебник, который гадает по внутренностям.

– Что?

Президент упал в кресло.

– Вон отсюда. Все на выход. Мне надо подумать.

Его помощники знали, что он это не всерьез. Они летели на высоте 6000 метров.

Через несколько минут он удалился в спальню, чтобы переодеться в свежую рубашку и костюм для кампании. Перебирая содержимое своих карманов, он наткнулся на записку. Отчасти потому, что ему не хотелось выходить и снова думать про эти унылые новости, он развернул ее и прочел еще раз.

Может быть, потому, что он уже знал ее содержание, на этот раз она не показалась такой уж безумной.

Мертвый Ли Этуотер обещал сделать то, на что, казалось, не был способен ни один живой человек. Он предлагал способ прорваться сквозь всю эту назойливую чушь, все эти утомительные придирки, которые неумолимо срывали его рейтинг на пол- и четверть пункта. Он предлагал способ изменить все это одним махом.

В записке упоминался один конкретный человек как ключевой агент для реализации плана. Если бы вопрос решался на общем собрании, то, возможно, речь зашла бы о «ком-то вроде него», а не об одном конкретном человеке. Этого человека Этуотер знал лично, но Буш с ним никогда не встречался. И все же... По невероятному стечению обстоятельств Бушу предстояло встретиться с ним на мероприятии по сбору средств примерно через – президент посмотрел на часы, почувствовав, как «Боинг» начинает снижение, – двадцать-двадцать пять минут.

Можно также предположить, что все это не имело особого значения. Что сила заключалась в самой идее. И она во-

плотилась бы в жизнь, независимо от того, что случилось бы с листком бумаги, на котором она была написана. Бумага и печать ничего не значили. Сила была в идее.

Глава двенадцатая

Мэгги хочет действовать. Я это понимаю. Я тоже хочу действий. Но это единственное, чего мы не можем сделать. По крайней мере, я так думаю. Пока мы ничего не делаем, они нас не трогают. Как только мы зашевелимся, они отреагируют.

Интенсивные тренировки обычно помогают мне сбросить напряжение. В дополнение к бегу и простой гимнастике я возвращаюсь к тренировкам в додзё. Есть одно местечко в Корейском квартале. Оно находится в типичном двухэтажном мини-молле: дисконтная техника, карты и сигареты, маникюр и педикюр, рыбный магазин. У додзё есть название, но все завсегда так называют его «У сержанта Кима».

Во Вьетнаме мне не довелось повстречаться с Кимом. О нем ходят байки, многие из которых могут оказаться правдой. Он может убить одним прикосновением. Мы все можем убить голыми руками... Я о тех, кто изучает боевые искусства или обучаются рукопашному бою, о «зеленых беретах», «морских котиках», отряде «Дельта» – даже обычных морских пехотинцев учат бить насмерть. Ким состоял в разведгруппе. Они захватили предположительно вьетконговцев. Ким шел с ними, и ему никого не приходилось вы-

брасывать с «Хьюи»²⁴, чтобы заставить остальных говорить. Или стрелять в кого-нибудь. Он работал руками.

Заключенных выстраивали в ряд. Они видели крепкого маленького корейца, ростом с них самих, но поплотнее. Он подходил к первому заключенному. Прикасался к нему. Тот падал замертво. Остальные начинали говорить. Вскоре о нем ходили такие легенды, что ему не всегда приходилось убивать. Он просто был Сержантом со смертоносными пальцами.

Тут мне надо кое-что пояснить. Я не знаю, как это изобразить в фильме, потому что это связано с идеями. Кроме того, я не хочу, чтобы у вас сложилось неправильное мнение о Киме. Не думайте, что он жестокий или злобный человек.

²⁴ «Хьюи» – вертолет Bell UH-1 «Ирокез», вооруженный двумя 7,62-мм пулеметами и ракетами. «Все теперь знают о допросе в воздухе: три человека садятся в вертолет, берут одного и требуют: «Говори», а затем выбрасывают его, прежде чем он успевает открыть рот. Так вот, мы обмотали вокруг их шей детонационный шнур и подключили к ящику с детонатором. В общем, им отрывало головы. Дознаватель говорил переводчику, обычно офицеру южновьетнамской разведки: «Спроси у него вот это...» Парень начинал отвечать, а может, и сопротивляться – но суть была в том, чтобы грохнуть первых двух. Таким образом они выясняли информацию... К тому времени, когда ты доходишь до нужного человека, он начинает говорить так быстро, что приходится дать ему пару ласковых, чтобы его заткнуть» – Элтон Манционе, называющий себя «морским котиком», в книге «Программа Феникс», Дуглас Валентайн, Wm. Morrow, 1990 г. И подобных историй множество. См. также «Нам: вьетнамская война в пересказе мужчин и женщин, которые в ней сражались», Марк Бейкер, Wm. Morrow, 1981 г. Наконец, Митчелл Сигал в книге «Воспоминания о Вьетнаме», New Woodstock Press, 1988 г., утверждает, что был свидетелем того, как корейский дознаватель убивал голыми руками, чтобы запугать других подозреваемых.

Это не так.

Большинство людей стыдились Вьетнама. Поэтому они отворачивали свои лица. Я поехал туда с гун хо²⁵. Я остался с гун хо. Я хорошо провел там время. Мне понравился Вьетнам. Во многих отношениях. Включая боевые действия. Мне нравилось пытаться быть героем.

Возможно, именно поэтому я не отворачивал лица. Я много смотрел на то, что происходит, и думал об этом. Мы не понимали Вьетнам, а люди не поймут такого человека, как Ким. Генерал Уэстморленд говорил вещи наподобие: «Ориенталы никогда не будут ценить человеческую жизнь так же высоко, как западные люди», «На Востоке жизни много, и она дешевая» и «Как говорят восточные философы, жизнь ничего не стоит»²⁶.

Это были очень глупые слова. Возможно, из-за них мы даже проиграли войну.

То, что Ким убивает лицом к лицу, глядя в глаза челове-

²⁵ Фильм «Гун хо!» (вышел 26 января 1944 г.) с Рэндольфом Скоттом в главной роли основан на одноименном документальном рассказе капитана морской пехоты США У. С. Лефрансуа. В фильме Скотт рассказывает, что до вступления Америки в войну он работал с китайцами против японцев. Он конкретно упоминает китайскую 8-ю армию, хвалит ее и объясняет, что у них был лозунг «гун хо», который означал «совместная работа». 8-я армия была коммунистической – она переключалась между сопротивлением захватчику и гражданской войной с националистами, а лозунг «гун хо» был маоистским. Это один из семи ироничных фактов, выявленных при изучении истории фильма. Остальные шесть еще хуже.

²⁶ Уэстморленд говорил это на камеру. Запись можно увидеть в документальном фильме «Сердца и умы».

ку, который собирается умереть, не говорит о том, что для Кима жизнь ничего не стоит. Это говорит о том, что Ким безжалостно честен.

Уэстморленд²⁷ измерял войну количеством трупов. Он создал зоны свободного огня, где все, что движется, – мужчина, женщина, ребенок, буйвол – считалось врагом, которого нужно было убить. Он опустошал леса и устраивал воздушные налеты. Вот для кого жизнь ничего не стоила. Я не пытаюсь сказать, что мы не должны были это делать. Мы были солдатами. Нашей работой было убивать врага, и мы убивали столько, сколько могли. Но не стоит путать того, кто считает жизнь дешевой, с тем, кто ее уважает.

Первый этаж додзё предназначен для широкой публики. Здесь преподают тхэквондо, а также очень успешно учат женщин самозащите. Лестница в раздевалке ведет на второй этаж. На ней висит табличка: «Только для членов». С этим связана шутка, которую я объясню позже. Это своего рода частный клуб, который не ограничивается одной дисциплиной и ориентирован на боевые действия.

Когда я оказываюсь там в третий раз за неделю, я понимаю, что меня так и подмывает спросить совета у Кима.

Я переодеваюсь в ги²⁸ и поднимаюсь наверх.

²⁷ Харкинса, предшественника Уэстморленда, можно считать автором большинства этих концепций и разработчиком очень разрушительной и в конечном итоге проигрышной стратегии войны на истощение. Уэстморленд продолжил и развил ее.

²⁸ Ги – одежда для занятий бразильским джиу-джитсу, подобная дзюдоги, но

Найдя Кима, я кланяюсь ему и прошу разрешения поговорить с ним. Я объясняю ему, как согласился на работу с Мэгги и почему думаю, что это настолько серьезно, что Рэй солгал о прослушке. У Кима такое суровое корейское лицо. Я не могу понять, о чем он думает. Поэтому, чтобы передать ему свои чувства, я обращаюсь к нашим общим воспоминаниям:

– Помнишь, как в джунглях птицы переставали петь? Вот что я слышу – оглушительную тишину.

– Почему ты пришел ко мне?

– Я думаю, что почти все мои знакомые, которые могли бы помочь, работают на другую сторону. Я не могу пользоваться телефоном. Я не могу нанять помощь. Я не могу их прослушать. Я не могу себя выдать. Я застрял.

– Аа-а-а, – говорит он, как настоящий восточный мудрец, – хочешь, чтобы я корчил из себя сенсея. Окей. Это я могу. Ты олень, который видит тигра. Олень не может пошевелиться: тигр заметит движение и нападет. Олень не может стоять неподвижно, потому что тигр рано или поздно нанесет удар. Кузнечик Джо, ты усвоил урок? Урок в том, что в джунглях трудно быть оленем. Лучше быть тигром. Как тебе такое наставление? Если хочешь, я дам тебе подзатыльник.

Он смеется. Ему весело.

с более плотными и короткими штанами и рукавами. Такой покррой оставляет противнику меньше возможностей для захвата, хотя существуют стандарты, и ги должно им соответствовать на соревнованиях. Как и в дзюдо, иногда используется термин «кимоно».

– Американцы. Насмотрятся фильмов типа «Кунг-фу» и «Карате-пацана», а потом думают, что учитель боевых искусств научит их жизни, а додзё заменит программу двенадцати шагов. Джо, знаешь, чему я учу людей? Я учу их бить друг друга, вот и все. Ты хороший парень, Джо. Хочешь выпить? Пойдем, выпьем пива, возьмем рыбы у моего племянника. Очень свежая, вкусная.

– Нет, спасибо, не хочется.

– В последнее время я пью не только по вечерам. Только пиво, конечно.

– Я должен тебе кое-что сказать, Ким...

– Пойдем в офис.

Я иду за ним и говорю:

– У меня такое чувство, будто я попал в засаду. И это пугает меня до смерти. Я должен был предположить. Во Вьетнаме я научился этому. Понимаешь?

Он жестом указывает мне на стул, а сам идет к маленькому холодильнику и достает две бутылки пива «Харп».

– Ирландцы. Хорошее пиво делают. Выпьешь со мной – я дам тебе хороший совет.

Он открывает бутылки и протягивает мне одну. Он ждет и смотрит, пока я не сделаю глоток.

– Окей. Я расскажу тебе историю в стиле дзен.

Он тоже отпивает и крякает от удовольствия.

– У ирландцев лучшее пиво. Однажды я пошел учиться к японскому мастеру боевых искусств. Очень сильный, очень

известный. Он рассказал историю про самурая. Как-то вечером самурай пошел пить. Стал очень счастливым. По дороге домой на него в переулке набросились бандиты. Восемьдесят человек. Самурай очень хороший боец. Он отреагировал. Отбил. Семерых убил, остальные убежали. На следующий день он идет и хвастается учителю, скольких он убил. Учитель отвечает: «Ты дурак. Настоящий самурай знал бы о засаде и пошел домой другой дорогой».

– Я думал об этом, – говорит Ким. – Я ненавижу дзенские истории. Слишком японские. Если бы я был тем самураем, я бы сказал: «Пошел ты, сенсей. Я самурай. Мне нравится драться. Я хорошо провел время. И я не дурак, потому что в этом весь смысл: драться и побеждать восемь к одному».

Он делает еще один глоток пива с большим удовольствием. Он смотрит на меня, пока я не выпью еще. Потом говорит:

– Тебе повезло, что я не японец.

– Почему?

– Если бы я был японцем, я сказал бы тебе возвращаться в свою компанию. Признать свою ошибку и больше их не подводить.

Ким смеется, очень злобно.

– Я люблю японцев. Хай! Если я работаю в «Тойоте», то готов дать им засунуть рычаг переключения передач мне в задницу, лишь бы компании было лучше. Если я работаю в «Хитачи», то сую себе вибратор, напевая гимн компании.

Да в жопу этих японцев. Корейцы лучше. Даже американцы лучше. У них каждый сам за себя. Так интереснее.

Я вздыхаю. Не на такой разговор я надеялся. Ким рыгает и улыбается мне. Его стол завален бумагами. Он отодвигает некоторые из них в сторону и открывает большую книгу в мягкой обложке. «Искусство стратегии: новый перевод классической книги Сунь-Цзы «Искусство войны». Он протягивает ее мне.

– Дарю, – говорит он. – Новый перевод. Очень красивый. С одной стороны – идеограммы. Если любишь восточную философию, Сунь-Цзы очень хорош. Лучше всех. Китайский язык. Куда ни глянь – везде начало. Вот...

Он открывает книгу наугад и не глядя опускает палец на страницу. Он указывает на строчку, которая гласит: «Стратегия позиционирования избегает Реальности и нападает через Иллюзию²⁹». Он снова говорит:

– Бери.

– Спасибо, – отвечаю я. Не могу отказаться от подарка, пускай у меня есть и другие издания этой книги.

²⁹ Изначально книга была написана идеограммами и, очевидно, с намерением создать краткие универсальные правила. В результате англоязычные издания довольно сильно различаются. В переводе Томаса Клири эта фраза звучит так: «Форма военной силы – избегать полного и нападать на пустое». Б. Х. Лиддел Харт в книге «Стратегия» цитирует перевод Сэмюэля Б. Гриффита: «Чтобы избежать сильного, нужно поразить слабое». Эта оракульная расплывчатость, которая заставляет каждого читателя придумывать свою интерпретацию, может быть причиной того, что загадочные восточные философии всегда так привлекают: читатели всегда будут подгонять их значение под свою ситуацию – как гороскоп.

Он одним глотком проглатывает остатки пива и смотрит на меня как на неуважительного гостя, пока я тоже не допиваю свою бутылку. Он забирает ее у меня и отставляет обе в сторону, чтобы позже сдать. Покончив с этим, мы возвращаемся в додзё.

Ким хлопает в ладоши. Все поворачиваются и смотрят на нас. Он жестом указывает на высокого худого чернокожего мужчину с бритой головой. Я его знаю. Он называет себя Ястребом. Прямо как в сериале. Он даже утверждает, что персонаж сериала создан по его образу. Я в этом сомневаюсь.

– Ястреб. Сразись-ка с Джо. Только легкий контакт, – говорит Ким.

Ястреб бросает на меня недобрый взгляд. Я поворачиваюсь к Киму. Я не готов к этому. У меня живот надулся от пива.

– Йоу, братан, – говорит Ястреб, – будем драться или получишь подзатыльник.

Я поворачиваюсь. Мы находим место на матах. Остальные автоматически уступают нам место. Мы кланяемся друг другу. Во мне плещется пиво. Мы занимаем свои позиции. Мы начинаем.

Ястреб ударяет первым. Сразу становится ясно, что он превосходит меня. Он быстрее, сильнее и искуснее. В тхэквондо используется много ударов ногами и специальных приемов для того, чтобы бить сильнее. Для их правильного выполнения требуется большая гибкость. Он опережает ме-

ня по одному только типу телосложения. Очень скоро он уже лупит меня куда вздумается.

Я блокирую как могу, позволяя ему бить по предплечьям, плечам, бедрам, но стараясь защитить уязвимые места: глаза, горло, пах, колени. Пропускаю один сильный удар в живот и отступаю назад, чувствуя вкус пива.

Легкий контакт не такой уж легкий.

Инструкторы боевых искусств верят в то, что боль – это учитель. Как и инструкторы морской пехоты. И многие родители. Надо признать, что, даже принимая эти размеренные удары, я концентрируюсь и становлюсь бодрее. Я начинаю ясно видеть Ястреба. Я уверен, что в какой-то момент он решит, что у него есть шанс, и нанесет сокрушительный удар в полную силу. Простая демонстрация его не устроит. Он полон ярости и высокомерия.

Я пытаюсь атаковать. Он блокирует и наносит ответный удар левой рукой мне по шее. Я пропускаю блок. Удар получился резче, чем следовало. Я отступаю назад, мне больно. Он заносит ногу, чтобы пнуть меня в пах.

Вот он – его удар в полную силу.

Я подставляю бедро, и оно тут же немеет. Он знает это. Теперь я еще медленнее, чем в начале.

Он повторяет ту же последовательность. На этот раз бьет рукой мне по глазам, чтобы заставить меня отступить и подставиться под следующий удар. Сейчас я уверен, что он целится в колено, – это не передать словами. Пока подбираешь

слова, действия давно закончатся. Это яркая и четкая мысль, но я не могу выразить ее без слов.

Удар в колено меня травмирует – либо немного, либо сильно. На этом поединок закончится. После этого он принесет официальные, но неискренние извинения.

Вместо того чтобы отпрыгнуть назад, защищая глаза, я шагаю навстречу его руке, намереваясь принять удар лбом. Это опасно для нас обоих. Если я не успею, или он успеет перестроиться, я получу в глаз. В то же время череп – это очень твердая кость, расположенная очень близко к коже. Бить по голове кулаками или пальцами очень опасно. Если он ударит со всей силы и не успеет перестроиться, то, скорее всего, что-нибудь сломает.

Он перестраивается. Но недостаточно. Его напряженные пальцы ударяют о кость прямо над глазом. Моя кожа под бровью лопается. Течет кровь. Это выглядит драматично, но ничего не значит. Ким не останавливает схватку. Мне кажется, что я слышу, как он хихикает. Но я слишком сосредоточен, чтобы быть уверенным в этом.

Ястребу больно, он теряет ритм. А я этим пользуюсь.

Его засада превращается в мою засаду. Но он этого пока не понимает. Возможно, его завораживает блеск моей крови.

Не понимая, он действует по своему плану – ударяет меня в колено. Но я уже слишком близко к нему и продолжаю двигаться. Я поднимаю свое колено вверх, чтобы ударить им по его колену и сцепиться с ним. Я поворачиваюсь, соединяя

свою силу с его силой. Я падаю вниз, на мат, и перебрасываю его через себя. Я следую за ним так быстро, как только могу. Я бью его коленями. Сжав руку в тигриную лапу, я царапаю его лицо, касаясь пальцами его век.

Ким хлопает в ладоши, чтобы закончить схватку.

Мы встаем. Кланяемся друг другу. У меня течет кровь. Ястребу досаждают боль в руке. Ким уходит. У него есть другие дела. Я должен был чему-то научиться. Из книги. Или из его истории. Или из всего этого. Если урок не усвоен, виноват ученик, а не учитель, и учителю, право же, больше нечего сказать. А может быть, он просто разозлился на меня за то, что я задавал глупые вопросы, и решил показать мне, что я должен заткнуться и не мешать ему. Все это возможно.

– Считаешь себя крутым, да? – говорит Ястреб.

– Вполне, – отвечаю я.

– Ты не так крут, как я, – говорит он. – Если бы я тебе врезал по глазам, ты узнал бы Ястреба как следует, прежде чем я дал бы тебе подняться.

– Возможно, – говорю я.

Он вдруг усмехается. У него большой рот и крупные зубы. Его улыбка очень широкая и дружелюбная.

– Пошел ты, Джо. Ты нормальный мужик, – говорит он и начинает одно из старомодных рукопожатий с ударами кулаками, локтями, предплечьями и перекатыванием больших пальцев. Я был во Вьетнаме. Все парни так делали. Моя версия устарела, как и версия Ястреба. В наши дни братаны про-

сто показывают пальцами знаки банды. Вы точно такое видели в кино.

Я возвращаюсь в дом. Мэгги готовится пойти на важную вечеринку. Ее устраивает Джон Питерс, которого недавно приняли на работу в «Сони» на должность главы «Коламбия Пикчерз». Говорят, что зарплата составляет 2 700 000 долларов плюс часть прибыли и голливудские привилегии. Тысячи людей в Голливуде могут сказать «нет». Несколько сотен могут сказать «Я согласен» или «Я одобряю». Но только несколько человек могут сказать «Поехали» – и двадцать, тридцать, сорок миллионов долларов будут выделены, потрачены, и фильм будет снят. Таких человек, может быть, пять, или десять, или пятнадцать. Сколько бы их ни было, большинство из них сегодня вечером будут там.

Мэгги пригласила своего парикмахера. Его зовут Фредо. Я несколько минут наблюдаю за его работой. Они меня не замечают. Он болтает о сексуальной жизни звезд. Он снова упоминает историю с песчанкой. Он клянется, что у его коллеги стрижется врач, который извлекал грызуна.

– Фредо, закрой рот и делай меня красивой, – огрызается Мэгги. Как будто она некрасива и это внезапно пугает ее.

Я смотрю в зеркало на ее перепуганное лицо, а затем выхожу из комнаты.

Позже Мэгги спускается вниз. Она умопомрачительная. Прическа, макияж, одежда, туфли – полный комплект. Я не разбираюсь в одежде, но могу сказать, что это платье очень

дорогое, из какого-то особенного материала, и оно сшито для нее на заказ. Тот, кто его сшил, очень умен, потому что оно выглядит просто, но постоянно подстраивается под нее, меняется в зависимости от ее движений. Передо мной мимолетно мелькает то ее грудь, то ее длинные ноги, то изгиб ее бедер.

Я, напротив, выгляжу не лучшим образом. На брови пластырь, под глазом фингал, еще и хромаю. Она обеспокоенно смотрит на меня. Затем, опасаясь прослушки, включает музыку. Она спрашивает, все ли со мной в порядке. Я отвечаю, что да. Я даже не пытаюсь объяснить ей про дождь. Я так и не понял, то ли Ким спивается, то ли что. К чему эти слова: «Стратегия позиционирования избегает Реальности и нападает через Иллюзию»?

– Мне хотелось бы, чтобы ты выглядел более презентабельно, – говорит она.

– Слушай, я же твой телохранитель. Я выгляжу нормально для телохранителя.

– Не смешно, Джо.

– Конечно, смешно.

– Я могу наложить грим. Спрятать это.

– Мэгги, ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. Ты выглядишь прекрасно.

– Я выгляжу как богиня? – спрашивает она. – Вот в чем главный вопрос. Недостаточно быть красивой. Мне это сказал мой первый директор по кастингу. «Быть красивой недо-

статочно, детка. Красивых много». Он сказал: «Знаешь, что? У тебя отличное тело, и я могу предложить тебе сниматься голой». Я ответила: «Спасибо, не хочу». Он сказал: «Не вороти нос, детка. Мэрилин не возражала, Бейсингер не возражала, вот и ты не возражай». Потом он сказал: «Ты вернешься. Пройдет шесть месяцев, год или два, и ты разденешься. Еще увидимся». Ты веришь, что кто-то может быть настолько грубым, настолько пошлым?

– Ты вернулась?

– Нет. И никогда не вернусь, клянусь.

– С чего бы тебе возвращаться?

– Разве я выгляжу так, что миллионы людей будут готовы платить за возможность подглядеть за мной? Поглазеть на форму моих сисек? Которые еще не были у пластического хирурга, а значит, не могут конкурировать с сиськами Мелани Гриффит? Похожа ли я на человека, в которого ты хочешь вложить миллионы долларов? Я выгляжу настолько сексуально?

– Это уже другой вопрос. Даже не знаю.

– Пошел ты, Джо, – говорит она с улыбкой.

Мы как персонажи мыльной оперы.

Шоферы находятся в секции, отведенной для приезжающих слуг. Там много сплетничают. Это моя работа. Поскольку это вечеринка Питерса и он – новая власть в городе, все хотят поговорить о нем. Сплетни в основном старые. Как с него списали персонажа Уоррена Битти в «Шампуне» –

очень гетеросексуального парикмахера, который переспал со всем в Лос-Анджелесе, включая Нэнси Рейган.³⁰ Несколько шоферов – женщины. Одна из них говорит:

– Бедная Лесли Энн Уоррен – вот кого мне жаль. Одно дело быть замужем за этой свиньей, которая перетрахала весь город, но кто пойдет сниматься в фильм по мотивам этого?

Потом они рассказывают легенду о том, как Питерс пробил себе путь наверх, встретил Стрейзанд, которая сделала его своим продюсером звукозаписи, а затем и продюсером фильма³¹.

Я пытаюсь увести разговор в сторону загадочного мистера Бигла. До меня доходит несколько слухов, в том числе два, которых я раньше не слышал. Один из них гласит, что у него болезнь толстой кишки, от его тела исходит неприятный запах, поэтому он не хочет появляться на людях. Другой – что он работает над сверхсекретным проектом для японцев по разработке японских телешоу, которые будут конкурировать с американскими, что «Сони» купила «Коламбию» специально, чтобы мы не заметили, чем на самом деле занимаются

³⁰ Мы предполагаем, что это чушь, и хотели бы проинформировать об этом читателя. Однако это настолько яркий пример голливудских сплетен, что трудно представить себе, чтобы об этом не говорили.

³¹ Легко, но глупо отрицать, что Джон Питерс проложил себе путь к вершине через постель. После Барбары он был продюсером фильмов «Танец-вспышка», «Цвет пурпурный», «Иствикские ведьмы», «Человек дождя» и «Бэтмен». Невежливо трудно определить, что поднимает людей на вершину в Голливуде, как и в политике. Чаще всего победителями становятся совершенно внезапно, и те, кто пытается пройти по их стопам, терпят неудачу.

японцы.

Я также слышу истории, которые слышал раньше: о СПИ-Де и о том, что Бигл работает на японцев над технологией производства HDTV, которая за пару лет отправит аналоговые технологии на свалку.

Вечеринка проходит как в помещении, так и на улице. Мы можем видеть часть того, что происходит на заднем дворе. Время от времени я замечаю Мэгги. С такого расстояния она кажется очень соблазнительной и кокетливой. Если бы я был одним из мужчин, с которыми она разговаривает, я бы решил, что она ко мне клеится. Несколько раз я вижу, как мужчины прикасаются к ней. В младших классах школы мы называли это «помацать». Меня это бесит. Но, конечно, она справится и без меня.

Один из шоферов подходит ко мне.

– Вы интересуетесь Линкольном Биглом? – говорит он уголком рта, как старый мошенник из старого детектива или коварный шпион из раннего Хичкока.

– Я просто фанат, – отвечаю я. – Мне нравятся его работы.

– Ну-ну.

– Вы знаете, чем он занимается?

– Я его знаю. – Он подмигивает. – Что, если я скажу, что Линкольн Бигл работает над... Готовы?.. Точно?

– Думаю, да.

– Вы не поверите. Но я все равно расскажу. Потому что это невероятно. Он работает над реинкарнацией Джона Уэй-

на.

– По-моему, логично, – отвечаю я. – Он бы нам пригодился.

– Нет, вы поймите, эра Водолея закончилась.

– Да, я знаю, – говорю я.

– Это был век духовности. Сейчас мы находимся в эпохе нео-науки. Новой науки, которая выходит за рамки привычного. Где искусство, духовность, технология и биогенетика сливаются воедино. Эти разговоры об HDTV – это чушь. Другое дело – виртуальная реальность. Вот это уже что-то. Вы будете входить в живые сны, звезды смогут говорить с вами и прикасаться к вам. Голливуд всегда брал обычных людей и делал из них звезд с помощью тренировок, рекламы, пластической хирургии, гримеров и парикмахеров. Но все это не приносит результата. Очень затратно. Они хотят вернуться к истокам. Они собираются взять останки лучших старых звезд и, используя генетику и микронауку, реинкарнировать их. Вот над чем действительно работает Бигл. Остальное – для отвода глаз.

Глава тринадцатая

Президента Буша редко называют расистом или антисемитом. Но было бы справедливо сказать, что он как минимум этноцентричен и предпочитает довольно узкий круг людей, которых выбирает сам. Если представить себе уменьшающиеся концентрические круги – подобные кругам ада, которые описывал Данте в «Божественной комедии», – то самым внешним кольцом будут белые англосаксонские протестанты. Продвигаясь вглубь кольца, можно увидеть мужчин в костюмах и галстуках, имеющих много денег. Они играют в гольф, занимаются бизнесом, распоряжаются унаследованным капиталом, являются представителями восточного истеблишмента. Среди них есть выпускники университетов Лиги плюща, спортсмены, выпускники Йельского университета, воспитанники частных школ, члены тайного общества «Череп и кости»³², выпускники Йельского университета во

³² Самое известное тайное общества Йельского университета и всей Америки. Больше, чем братство. Члены «Черепа и костей» для студентов Йеля – это то же самое, что студенты Йеля для простых смертных. До 1992 года в это общество входили только мужчины. Некоторые из их практик включают лежание в гробу, ритуальную мастурбацию (Будет ли это продолжаться теперь, во времена сексуальной интеграции? И если да, то изменится ли психическое воздействие этой практики?) и письменные признания. Последние хранятся в журналах, которые, как утверждается, ведутся с первых дней общества, за одним исключением: год, в котором должна была быть запись Джорджа Буша, отсутствует.

втором поколении.

Поэтому он с нетерпением ждал возможности отправиться на акцию по сбору средств в округ Ориндж к югу от округа Лос-Анджелес – бастион людей, которые были бы такими же, как Боб Хоуп, если бы он не был смешным и имел прямой нос. То есть, эти люди любили Республиканскую партию почти так же сильно, как гольф. Они жили ради мартини, не одобряли секс, но могли оценить красивую девушку, все еще танцевали под музыку Лоуренса Уэлка, знали, что мы проиграли Вьетнам из-за СМИ, а Китай – из-за предателей в госдепартаменте. Они знали, что коммунистам не стоит доверять даже в 1990 году, и для них было очевидно, что реформы Горбачева – это уловка, обманом принуждающая нас к разоружению. В округе Ориндж находится Диснейленд.

Отношения между Бушем и Кравицем – которые в конечном итоге потребовали невероятной веры и доверия президента – вряд ли могли возникнуть по счастливой случайности, и на самом деле они такими и не были. Кравиц алчно и целенаправленно искал и строил эти отношения. Хотя его ожидания по поводу этих отношений даже отдаленно не напоминали то, что из них на самом деле вышло. Это было определено то ли гением, то ли безумным отчаянием Ли Этуотера.

Чтобы понять Дэвида Кравица, необходимо упомянуть Лью Вассермана.

Лью Вассерман для агентов – такая же фигура, как Ген-

ри Форд для автомобилей: конечно, не самый лучший, но первый, кто превратил небольшую контору по оказанию личных услуг со всеми присущими ей ограничениями в крупную многомиллиардную корпорацию³³.

МКА (музыкальная корпорация Америки) и лично Вассерман были агентами Рональда Рейгана. Они хорошо работали на него, даже когда его карьера кинозвезды стремительно угасала. В 1952 году Рейган, будучи президентом Гильдии киноактеров, заключил сделку, которая предоставляла МКА и только МКА полное разрешение на представление актеров и производство шоу. Это дало МКА невероятное преимущество как перед конкурирующими агентами по поиску талантов, так и перед продюсерами. Они получили власть над студиями, например, заставили «Парамаунт Пикчерз» снимать фильм Хичкока на площадке «Юниверсал» – на тот момент принадлежавшей МКА, – несмотря на то что у «Парамаунт» была своя студия³⁴.

Чтобы Кравиц почувствовал себя величайшим агентом в

³³ Самый большой прорыв Вассермана интересен по ряду причин.

³⁴ В конце 1960-х МКА помогла Рейгану организовать сделки с недвижимостью, которые сделали его миллионером и позволили баллотироваться на пост губернатора. Более подробное изложение можно найти в книге *Dark Victory: Ronald Reagan, MCA, and the Mob*, Дэн И. Молдеа, Viking, 1986 г. Молдеа описывает Вассермана как выдающегося деятеля, который заботился о Рейгане и, в свою очередь, пользовался его заботой. Рональд Браунштейн в книге *The Power and the Glitter, The Hollywood-Washington Connection*, Pantheon, 1990 г., изображает Рейгана и Вассермана как двух личностей, идущих разными дорогами, которые иногда совпадали, а иногда расходились.

истории мира, ему нужно было превзойти Вассермана.

Как и почти каждый, кто добивается большого делового успеха в Америке, Вассерман был крупным политическим игроком. Он культивировал партнерские отношения и щедро одаривал все стороны. Он был скрытным и замкнутым человеком, а значит, его влияние было либо гораздо меньше, либо гораздо больше, чем казалось. В любом случае оно имело легендарные масштабы и приносило плоды. Хотя МКА выиграла не все битвы, которые выставлялись на суд правительства, она победила во многих крупных. Их деловая практика предполагала антимонопольные нарушения. Их отношения с профсоюзами были настолько благоприятными, что трудно поверить в такую связь без незаконных форм сговора. Невзирая ни на их предполагаемую честность, ни на их предполагаемое влияние, в отношении МКА часто проводились расследования, но их ни разу не осуждали. Суды чаще всего заканчивались мировыми соглашениями.

Кравиц практически не углублялся в политику. Ему тогда не особо требовалось весомое политическое влияние. Но пришло время сделать следующий шаг и превратиться из простого агента во владельца огромных материальных активов. Он изучал возможности. Некоторые из них были связаны с крупными инвестициями из Японии, другие – с нарушениями антимонопольного законодательства. Было бы неплохо знать, что, если он позвонит в Вашингтон, ему ответят. Не то чтобы он ожидал, что президент будет плясать под его

дудку. Это было бы самонадеянно, чрезмерно и грубо. Все, чего все хотели и в чем нуждались, если понимали, с чем имеют дело, – это доступ.

Затем, в 1988 году, Рейган ушел, а Вассерман стал ключевой фигурой в сборе средств для проигравшего Дукакиса³⁵. В этот момент Кравиц почувствовал образовавшийся вакуум. Консервативных знаменитостей было много, но ни один крупный представитель индустрии развлечений не был связан с национальной республиканской властью. Кравиц не собирался просто выкинуть деньги на Буша или его партию. Если бы он это сделал, они бы отнеслись к нему как проститутка к клиенту: содрали бы много денег при минимальных усилиях и без всякого участия. Кравиц был настроен на выстраивание отношений. Он хотел, чтобы внутренний круг знал его имя, чтобы о нем думали как о человеке, к которому обращаются, когда Вашингтону нужно что-то от Голливуда.

Кравиц видел в Ли Этуотере человека, способного стать мостиком между двумя мирами, и в 88-м году он договорился о встрече с политическим консультантом. Когда критика в адрес Ли достигла своего апогея, Дэвид позвонил ему, пригласил на обед и похвалил за креативность. Он выслушал идеи Ли и сказал, что Ли так же хорош в политике, как Хичкок в остросюжетных фильмах, а Элвис в музыке: все трое были гениями в формах, которые даже не считались искусством, и лично подняли их на такой высокий уровень куль-

³⁵ см. Браунштейн, *The Power and the Glitter*.

турного значения, что их уже нельзя было игнорировать. Он знал, что тремя любимыми книгами Этуотера были «Искусство войны», «О войне» и «Государь», поэтому он сказал, что тактика Ли напоминает ему Сунь-Цзы и что со времен Макиавелли в политике не было меньше лицемерия. После выборов Кравиц организовал несколько выступлений, которые вдоволь потешили эго Ли и принесли ему около 10 000 долларов за каждое, плюс расходы. Неплохо для пары часов болтовни. Их отношения были прочно установлены. Кравиц наконец-то стал вхож в Белый дом. Но потом случилась опухоль мозга.

После того как ниточка через Ли оборвалась, наиболее очевидная тропа от Лос-Анджелеса к Бушу должна была проходить через Рональда Рейгана. Но даже если бы у Кравица были хорошие связи с командой Рейгана – а у него их не было – он вовсе не был уверен, что сможет таким образом успешно достучаться до нового президента. Все-таки Рейган сильно проиграл Бушу на республиканских внутрипартийных выборах 1980 года. Затем Буш восемь лет терпел выходы Рональда Рейгана на посту вице-президента. Кравиц когда-то был вице-президентом в «Росс-Могл» – в то время третьем по величине агентстве талантов в индустрии. Глава агентства, Стив Росс, считал Дэвида очень способным. Он помог Кравицу быстро подняться и заработать много денег. Но Дэвид не собирался прощать Стиву Россу то, что когда-то тот был его боссом. Каждая звезда, которую RepCo

отбирала у «Росс-Могл», приносила Кравицу глубокое личное удовольствие, а день, когда RepCo наконец выставила счет больше, чем «Росс-Могл», был самым счастливым днем в его жизни.

Поэтому Кравиц связался с Бушем через Арнольда Шварценеггера. Шварценеггер – умный и амбициозный человек, который благодаря удивительному сочетанию железной воли, чугуна и стероидов³⁶ продвинулся дальше, чем кто-либо мог мечтать. Он имел собственные политические взгляды и очень четко понимал важность установления связей. Арнольд несколько раз упоминал имя Дэвида в Белом доме. Он предложил Бушу встретиться с ним. Кравиц мог бы стать той ключевой денежной опорой, которой был Вассерман. В какой-то момент после разговора с Арнольдом, но до того, как предложение было реализовано, президент прочитал план Ли Этуотера. Если Кравиц, который казался ключевой частью этого плана, окажется одним из тех громких, напористых, оскорбительных типов, это даст президенту возможность отказаться от всего этого. И по крайней мере часть

³⁶ Мы считаем это необоснованным слухом, как и другие сплетни и случайные нападки на персонажей в этой книге. А вот журнал *Spy* рассматривает это как установленный факт: «Итак, давайте разберемся: человек, принимавший огромное количество стероидов, становится главой Президентского совета по физической подготовке, но его больше всего волнует то, что люди подумают, если узнают, что он курит сигары» (Шарлотта Флеминг 3–92). Кроме того, если кто-то не понял, Кравиц – вымышленный персонаж, и поэтому Шварценеггер, у которого есть реальный агент, существующий на самом деле, никогда ничего не делал с Дэвидом Кравицем, для него или с ним.

его самого хотела забыть, что он когда-либо читал эту странную, но убедительную записку. Поэтому президент выбрал местом встречи округ Ориндж. Он надеялся, что смена обстановки поможет ему не впечатлиться агентом.

Кравиц исследовал и изучал людей, с которыми хотел иметь дело. Он не собирался недооценивать президента. Он был готов считать президента проницательным, манипулирующим и мстительным, как и он сам. Он попросил своего лучшего ридера³⁷ подготовить обобщенный синопсис нескольких биографий Буша. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что нужно нарядиться как восточный банкир, который пошел на значительное сокращение зарплаты ради государственной службы. И говорить нужно соответствующе. Он составил список разрешенных и запрещенных тем. Например, он не стал говорить о предстоящей бармице своего сына и грандиозных планах на это мероприя-

³⁷ Ридер – это низкая, но очень важная должность в Голливуде. Каждому, кто имеет хоть какую-то власть или влияние, целыми днями пихают сценарии и книги. Ни у кого нет времени читать их все. И все же каждый, у кого есть власть или влияние, ищет материалы для продюсирования. Поэтому они нанимают ридеров. Ридеры читают, а затем пишут что-то вроде школьного сочинения о прочитанной книге – рецензию, которая в основном пересказывает, но также и оценивает. В редких случаях, когда ридер что-то хвалит, работодатель ридера решает запустить это в работу, и тогда он или она должны убедить остальных – звезд, режиссеров, руководителей студий, сценаристов – принять участие в проекте. Ни у кого из них не будет времени на чтение, и они, в свою очередь, передадут предложение своим ридерам. Ридеры – одни из тех тысяч людей в Голливуде, которые имеют право сказать «нет». Это также должность, на которой, по слухам, можно получить повышение.

тие. Он искренне ненавидел гольф, но приготовился рассуждать о гринах, богги и бёрди. Он не собирался упоминать о своих занятиях кэн-до и планировал сделать акцент на своих пробежках.

Air Force One приземлился в аэропорту Джона Уэйна в округе Ориндж в 18:00 по калифорнийскому времени – 9:00 по восточному времени. Его ждал лимузин вместе с отрядом полиции и секретных служб. Дорогу перекрыли заранее. Президент был доставлен на ужин за 18 минут. Он вышел из машины, выпрямился во весь рост и улыбнулся, выглядя спортивным и энергичным. Он помахал рукой перед камерами, сказал: «Привет, Калифорния! Здорово оказаться здесь. Хотел бы я остаться на партию в гольф. Но если я не могу, может быть, за меня это сделает Дэн³⁸». Он поднял большой палец вверх и направился внутрь.

Он поздоровался с пятью людьми. Четверо из них были крупными спонсорами предыдущих кампаний. Двое занимались финансами и банковским делом, а двое других представляли оборонную промышленность и аэрокосмическую отрасль. Пятым был Дэвид Кравиц.

Буш был приятно удивлен тем, что даже под дулом писто-

³⁸ Вице-президент Куэйл. Здесь кроется шутка. В то время Куэйл был вовлечен в умеренный скандал, связанный с использованием военных самолетов для поездок на гольф. Легкая ирония заключается в том, что большинство из них он совершал вместе с Сэмюэлем К. Скиннером, впоследствии главой аппарата Белого дома, который в то время был министром транспорта. Впрочем, это, наверное, слишком тонкий юмор.

лета он не назвал бы Кравица ни агентом, ни евреем. Он был похож на Брента Скоукрофта: лысеющий, серьезный, но с добродушным чувством юмора и множеством морщин на лбу. На нем был простой серый костюм, белая рубашка, неяркий галстук и никаких украшений за исключением простого золотого обручального кольца и одних из менее выпендренных часов Филипп Патек. Его образ не разрушился, когда он заговорил. Он общался как один из тех людей, кого Буш знал. Ни сленга, ни жаргона, ни идиша, никаких смешных интонаций.

Буш дотронулся до записки, лежащей в кармане пиджака. Он не счел Кравица настолько оскорбительным, чтобы отменить встречу. Но так как сомнения все еще не покидали его, он еще не решил, стоит ли соглашаться. Поэтому он бросился делать то, ради чего приехал: пожимать руки, ухмыляться, подмигивать и поднимать большой палец в своем фирменном жесте. Каждый из присутствующих пожертвовал ему минимум 5000 долларов, а кто-то даже 10 000 долларов или больше. Они имели право дотронуться до него и уйти домой в хорошем настроении. Он произнес речь – в конце концов взяв версию спичрайтера, которая мало отличалась от того, что он сам хотел сказать, – с разумным рвением.

Ужин закончился в 20:00 по калифорнийскому времени – в 11:00 по восточному. Air Force One должен был вылететь из Джона Уэйна в 9:00 по калифорнийскому времени, в полночь по биологическим часам президента. На 9:00 утра

по восточному времени у него была запланирована встреча с директором ЦРУ в Белом доме, на 9:15 – с послом СССР, затем с членом судебного комитета Сената по поводу выбора кандидатов на должности федеральных судей. Единственный способ выдержать такой график – это упасть на президентскую кровать на борту «Боинга», проспав весь полет, несмотря на тряску, и даже после приземления не просыпаться, пока в 8:00 утра по восточному времени не придет стюард, уже в Вашингтоне. Человеческий организм не способен такое выдержать. Поэтому вместе с десертом, на который подали крем-брюле, президент выпил «Хальцион», решив, что таблетка подействует как раз в тот момент, когда он сядет в самолет.

На выходе, когда президент пожимал последние руки, председатель комитета по сбору средств Республиканской партии Калифорнии сказал ему, что Кравиц только что сделал взнос в размере 100 000 долларов. Буш был впечатлен – не только суммой, но и тем, что Кравиц не размахивал деньгами перед его лицом и не передал их ему напрямую. Импульс, который полдня бился у него внутри, наконец достиг цели.

Он пригласил Кравица на борт Air Force One.

У Кравица было от двенадцати до восемнадцати минут, чтобы подружиться с Бушем. Нередко это удавалось ему гораздо быстрее. Первым делом он сказал:

– Я хочу кое в чем признаться, господин президент. Я со-

всем недавно перешел в Республиканскую партию.

В этом не было ничего удивительного. Рейган, Хестон, Синатра и многие другие были бывшими демократами. Буш не впечатлился.

– Большую часть своей жизни я считал себя беспартийным человеком, преданным только бизнесу, созиданию экономического импульса.

Снова чушь.

– На самом деле, вплоть до 1988 года выжидал.

Это заставило президента прислушаться. Так называемых «демократов Рейгана» было множество. Но никто, вдруг понял он, никогда не говорил о демократах Буша. Дэвид Кравиц уже успел зарекомендовать себя как первый из них.

– Мистер Рейган не произвел на меня большого впечатления. В отличие от вас.

Это была музыка для ушей президента. Многие говорили о Буше как о бледной имитации его предшественника, в то время как именно Рейган дремал на протяжении почти всех двух своих сроков. Он не читал и не учился, появлялся только для выступления перед камерами и возвращался в спячку, как только выключали свет.

– Не хотел бы смущать вас, но я скажу почему. Это не так очевидно, но у вас, вероятно, лучшее резюме из всех, кто когда-либо занимал ваш пост. Для меня вы – настоящий человек, потому что вы были героем войны.

Президент скорчил гримасу, выражавшую: «да ну брось».

– Для меня, – продолжил Кравиц, – великими президентами были Айк и Джек Кеннеди. Мне не нравились Джонсон, Картер и Рейган. Я не задумывался об этом, пока не появились вы. Чем вы отличаетесь от Рейгана, от Дукакиса? Я скажу. Джордж Герберт Уокер Буш, Дуайт Дэвид Эйзенхауэр, Джон Фицджеральд Кеннеди – все они повидали настоящие бои. Давайте посмотрим правде в глаза: где был Рон Рейган, когда мир был охвачен войной? Он был в Голливуде, валялся на чистых простынях с красивыми девушками, а его униформу ежедневно наглаживали в химчистке Санта-Моники.

А вы были там. Самый молодой пилот во флоте. Вы ставили свою жизнь на кон. И вы понимаете, что это значит.

– Это были великие дни, – сказал президент, а затем спросил, как того и хотел Кравиц: – Вы служили?

– Да, сэр, – сказал Кравиц, делая шаг вперед.

– Вы, конечно, слишком молоды для мировой. Когда вы служили? В каких войсках?

– Я был морским пехотинцем, сэр. В Корее.

Буш приятно удивился.

– Что ж, некоторые моряки не слишком высокого мнения об армии, – это было доброжелательное мужское замечание, – но, ей-богу, о морской пехоте Соединенных Штатов нельзя сказать ни одного плохого слова. Расскажи мне о своей службе, Дэйв. И забудь обо всякой ерунде типа «сэр» и «господин президент». Зови меня Джордж.

– Я вынужден возразить, сэр. Трудно называть главноко-

мандующего Джорджем. Для этого во мне осталось слишком много от морского пехотинца.

– Ну, ты можешь расслабиться, Дэйв. Чем ты занимался на службе?

Кравиц понял, что расклад оказался именно таким, какого он ожидал, поэтому он сделал следующий ход и разыграл своего туза.

– Скажу вам правду, сэр. Я был пилотом. Водил истребитель.

– Ну и дела, – удивился президент. Ему и в голову не приходило, что голливудский агент еврейского происхождения мог быть летчиком-истребителем морской пехоты в Корее.

– Сколько вылетов ты совершил? Сколько убил?

– Всего пять боевых вылетов.

– Как так? – снова удивился президент.

– Мне пришлось упасть в океан. Меня не сбили. Возникла неисправность в топливопроводе, потом загорелся двигатель. Я катапультировался. Хорошо, что так получилось. По пути вниз я увидел, как мой самолет взорвался. Спасибо Господу за ребят из воздушно-морской службы спасения. Меня вытащил вертолет ВМС с авианосца. Вы, сэр, знаете лучше меня, каково это – сидеть в ледяном океане и думать, первый ли это день вашей оставшейся жизни, или последний³⁹.

³⁹ 2 сентября 1944 года самолет Джорджа Буша был подбит зенитным огнем во время бомбардировки Титидзимы – острова, расположенного в 150 милях к северу от более известного Иводзимы. Буш пилотировал торпедоносец-бомбардировщик Avenger с авианосца San Jacinto. Пилоты приложили все усилия, чтобы

В общем, я повредил спину, когда упал в воду. Ее не смогли вылечить и дали мне увольнительную.

– Я полагаю, ты понимаешь, насколько важно сохранить Америку сильной? – спросил президент.

– Это важнее всего на свете, – ответил Кравиц. – Не только для Америки, но и для всего человечества.

Можно задуматься о совпадениях: Кравиц решил завоевать доверие президента с помощью того же способа, который президент хотел с ним обсудить. Но более вероятно то, что все трое – третьим был Этуотер, пусть и покойный, – думали одно и то же об основных темах. Возможно, президент заговорил бы о своем, даже если бы Кравиц заговорил о банковских стандартах, или о необходимости для знаменитостей поддерживать семейные ценности, или о своей приверженности свободной торговле.

– У меня есть один проект, – сказал президент. – Ты помнишь Ли Этуотера?

– Прекрасно помню. Он был моим кумиром.

– Он оставил мне записку. Ли был хорошим другом, – сказал Буш. – Самым плохим хорошим парнем. Мне было очень весело с Ли. Он хорошо о тебе отзывался. Ты знал, что он

совершить аварийную посадку в море: японские лагеря для военнопленных были ужасны. Лагерем на Титидземе руководил майор Матоба. После войны пошли слухи, что он резал заключенных на куски и скармливал другим заключенным. Бушу удалось выпрыгнуть из горящего самолета в воду. Он приземлился в океане без серьезных травм, нашел свой спасательный плот и был спасен подводной лодкой через несколько часов.

играл на блюзовой гитаре?

– Он был отличным человеком.

– Это его идея. Перед смертью он сказал, что ты – самый важный человек в сегодняшнем Голливуде. Когда друг пишет записку на смертном одре, нужно выполнить его последнее желание. Ты должен поклясться мне, что будешь хранить тайну.

– Клянусь. Слово американца. Слово морпеха⁴⁰.

– Слово морского пехотинца Соединенных Штатов. Нет ничего тверже, – сказал президент. Возможно, в этот момент «Хальцион» начал действовать. Это, безусловно, должно было произойти согласно собственному графику президента⁴¹.

⁴⁰ Согласно документам армии США, Кравиц, будучи призывником, прослужил один год в армии, а не в морской пехоте. Он никогда не поднимался выше рядового. Он получил увольнение по состоянию здоровья. Однако его предыдущий начальник, Стив Росс, действительно был пилотом морской пехоты в Корее. Он часто рассказывал об этом и держал в офисе коллекцию книг по военной авиации и памятных сувениров. История, которую здесь рассказывает Кравиц, похожа на историю президента и практически идентична истории Стива Росса.

⁴¹ «Хальцион» является сомнительным средством. Многие, например, врач президента, считают его абсолютно безопасным. Бенджамин Дж. Стайн – адвокат, писатель, актер и бывший спичрайтер президента Никсона, сказал следующее в статье в NY Times от 22.01.92: «...«Хальцион» – самый страшный препарат, который я когда-либо использовал, и его действие пугает еще больше, когда он действует на президента. Я принимаю транквилизаторы по рецепту с 1966 года. Я использовал почти все виды, которые только можно себе представить... Но «Хальцион»... по побочным эффектам находится в одном классе с препаратами, изменяющим сознание. Это не просто классическое успокоительное, которое в основном просто замедляет процессы в организме. Нет, бензодиазепины описываются производителем «Хальциона», компанией Upjohn Company, как анксио-

Президент помолчал, пытаясь сообразить, как сформулировать то, что предложил Этуотер. Затем он вдруг подумал, не записывают ли их разговор. Не какой-нибудь иностранный шпион, а его собственные люди. Вспомнил, что случилось с Никсоном. Слова всегда таили опасность. Хотя они с Бейкером и решили никому не показывать записку, почему-то президенту показалось, что так будет лучше. Яснее, проще и безопаснее. Он потянулся в карман.

– Взгляни, – сказал президент и протянул Кравицу записку. Лимузин свернул за ворота и въехал на территорию аэропорта. Пока он катился по асфальту к самолету Air Force One, Кравиц читал. Он восхищался тем, как Этуотер уничтожил Дукакиса. Ли случайно увидел, что Америка 88-го года будет голосовать за развевающийся флаг и против жестоких распутных черных мужчин. Так получилось, что президентскую кампанию вел он, и именно этот выбор он предложил публике. Что еще, думал Кравиц, он мог сделать? Большин-

литики – то есть они уменьшают тревогу в вашем мозгу. Когда вы принимаете “Хальцион”, в вашей спальне словно появляется ангел Господень и говорит, что ничто не имеет значения, все ваши проблемы улетели на Марс и что вас ждут nirvana, Лета и теплые объятия матери. Люди, употреблявшие героин, говорили мне, что “Хальцион” лучше героина тем, что он заставляет плохие мысли просто исчезнуть... Он затуманивает суждения и лишает возможности тщательного анализа. Он делает потребителя попеременно то чрезвычайно уверенным в себе, то паникующим... Один мой друг принял небольшую дозу “Хальциона” – меньше, чем, по сообщениям, принимал президент, – а затем пронес пистолет через металлоискатель в аэропорту. Он забыл не только о том, что у него с собой пистолет, но и о том, что оружие в аэропортах запрещено».

ство людей либо лишены способности мыслить, либо слишком ленивы, чтобы использовать эту способность. Они окутывают себя туманом общепринятой морали и заменяют обдуманные реакции чувствами. Ли отказывался быть таким калекой. Тем было лучше для него.

Но эта записка вывела Этуотера в совершенно другой класс. Здесь требовалась не просто интеллектуальная строгость и несентиментальная честность. Здесь нужна была настоящая дерзость, подлинная ясность. Этуотер оказался достойнейшим учеником Сунь-Цзы, Клаузевица и Макиавелли. Если бы он был здесь, Кравиц поклонился бы ему в формальном жесте уважения, как на Востоке кланяются учителю – тому, у кого можно учиться и кому можно подражать.

Но Этуотер умер, и его не было рядом. Кравиц не верил в призраков, или, по крайней мере, в призраков, которые способны слушать. Его заслуга перед Этуотером заключалась в том, что он был первым, кто прочитал его записку и не сказал: «Господи, мать твою. Этуотер совсем сдурел». Он повернулся к президенту, перебирая в голове сотни фраз, чтобы ответить. На самом деле ему больше всего нравилась следующая: «Джордж, я не знаю, пользовался ли ты раньше услугами агентов. Мы получаем десять процентов. От всего». Но он сказал не это. Он подумал об Оливере Норте, сел прямо, насколько ему позволяло сиденье лимузина, честно попытавшись изобразить военную выправку.

– Сэр, – сказал он, подняв правую руку и дотронувшись

кончиками пальцев до брови в знак приветствия, – вы оказываете мне большую честь, предоставив мне возможность служить вам и моей стране. Благодарю вас, сэр.

Глава четырнадцатая

Событие сезона – бар-мицва Дэвида Кравица-младшего⁴², сына Дэвида Кравица, главы RepCo, самого влиятельного, самого безжалостного, самого важного агента в Голливуде. Приглашены 250 избранных гостей. Двадцать из них – друзья тринадцатилетнего мальчика. Остальные – люди из киноиндустрии. Это самое желанное приглашение: оно определяет, кто есть кто, это список лучших из лучших.

Стоимость банкета, опубликованная в прессе, значительно превышает 100 000 долларов. Стоимость всего праздника подсчитать затруднительно. Среди развлечений – выступления Майкла Джексона, Бобби и нескольких человек, о которых я никогда не слышал (эти люди не будут брать плату за свои услуги и готовы в знак уважения предоставить своих музыкантов, технарей, микшеров, операторов спецэффектов), и световое или лазерное шоу.

Одна из тем праздника – по крайней мере, для детей – ниндзя. Поговаривают, что это безвкусное самолюбование. Кравиц изучает кэндо, японское искусство боя на мечях. Его сенсей – японский фехтовальщик по имени Сакуро Дзюдзо. Ходят слухи, что Кравиц увлекся кэндо из-за соперниче-

⁴² Приставка «младшие» – редкость у евреев, «вторые» и «третьи» встречаются еще реже. Называть ребенка в честь кого-то из живущих считается плохой приметой. Однако это всего лишь обычай, а не религиозный запрет.

ства с Майклом Овицем. Овиц – приверженец айкидо, боевого искусства, которое изобрели в сороковых годах также в Японии. Всякий раз при обсуждении боевых искусств Кравиц указывает, что кэндо, «путь меча», содержит подлинное учение Бусидо – кодекс самурая, а все приемы айкидо на самом деле основаны на движениях, разработанных для меча, то есть являются производными от них.

Это Кравиц стимулировал создание фильма «Американский ниндзя», в котором Сакуро Дзюдзо играет роль японского мастера-ниндзя, руководящего группой молодых американских учеников, которые совершают практически сверхъестественные финты во имя истины, справедливости и Америки. Кравиц лично предложил этот фильм компании «Геффен», описав его как «Бэтмен» в сочетании с «Отрядом “Стиляги”» в девяностых, содержащий духовные и соревновательные ценности, которые нам стоило бы перенять у Востока.

Опять же, это отчасти объясняется его соперничеством с Майком Овицем⁴³, которому приписывают то, что он сделал

⁴³ Думаю, пора прояснить этот момент. Некоторые детали могут навести кого-нибудь на мысль, что Кравиц – это тонко замаскированный Овиц. Когда я начал исследовать «голливудскую» часть этой книги, о которой я знаю меньше, чем средний зритель телевизора, я попросил своего тогдашнего агента на Западном побережье Майкла Сигала найти мне исследователя, который предоставил бы несколько статей на различные темы, включая крупных телевизионщиков, таких как Майк Овиц, поскольку эти фигуры играли ключевую роль в событиях книги. На следующий день мне перезвонил его помощник и назвал имя – этот человек проделал очень хорошую работу – но также сказал: «Если ваша следующая

кинозвезду из своего сенсея, инструктора айкидо, Стивена Сигала.

Японофобы и параноики обвиняют Кравица в том, что его мотивы куда мрачнее, чем конкуренция с агентом-соперником. Что на самом деле он находится на службе у японских хозяев, которые хотят создать новую мифологию, иллюзию японо-американского сотрудничества, только японцы будут в роли сенсея, учителя, а американцы станут учениками. Для японцев, в культуре которых все отношения иерархичны, это действительно серьезное заявление. Мотивы Кравица, конечно же, называют и финансовыми. Этот фильм и спонсорство Сакуро Дзюдзо подружат его с японцами, и они будут использовать Кравица в качестве советника и посредника в сделках, когда будут скупать Америку. Это настолько при-

книга касается Майка Овица, Майкл [Сигал] не хочет иметь с этим дела». Я пересказываю эту историю, чтобы дать читателю представление о власти, которой обладает такой человек, как Овиц. Впоследствии эта реакция повторилась. Стоит отметить два момента. Во-первых, эти люди не ждали, пока г-н Овиц выразит неодобрение или неприятие, они предвидели, что он может это сделать, и этого было достаточно. Второе – никто не предположил, что они боялись или что я должен бояться реакции [тогдашнего] президента или [тогдашнего] госсекретаря, которые не являются «персонажами на основе», а носят имена Джордж Буш и Джеймс Бейкер. Вы, конечно, спросите – если я тонко замаскировал Овица и ему это не понравится, или его люди решат, что ему это не понравится, смогу ли я продолжать работу в этом городе? Не страшно ли мне? Еще как страшно. На одном провальном фильме писатель может заработать больше, чем на самой продаваемой книге. Итак, Майк, позволь мне сказать тебе следующее: это не тонко замаскированный твой портрет. Это своего рода дань уважения тому, насколько важными стали агенты и телевизионщики в нашем обществе и насколько по-настоящему творческим может быть их недооцененный вклад.

быльная должность, что простая работа над фильмом покажется плевым делом.

Сакуро и его лучшие ученики, некоторые из которых прилетели из Японии, проведут демонстрацию кэндо. Придут все каскадеры из фильма. Для детей всех возрастов будут организованы уроки: как стать невидимым, как проникать в восточные замки, как убивать в полной тишине и другие вещи, которые приводят в восторг тринадцатилетних мальчиков.

Еда будет как американской, так и японской. Из Японии прилетели повара-сушисты. Они специализируются на подаче живых суши, которые в настоящее время являются самой модной тенденцией в Токио. В меню включена рыба фугу, также доставленная из Японии. При неправильном приготовлении она вызывает паралич и смерть. В Америке ее подача запрещена.

Вечеринка будет снята на 35-миллиметровую пленку с использованием семи камер. Режиссером выступит Мартин Скорсезе, оператором – Вилмош Жигмонд. Кажется, что это и в шутку, и вроде бы всерьез. Первой попыткой Дэвида-старшего войти в киноиндустрию, еще до того, как он стал агентом, была попытка снять фильм о бар-мицве в его родном городе Монреале.

Это первая встреча Мэгги с Кравицем после обеда, о котором она мне рассказывала. На такое важное событие Мэгги реагирует с большим интересом. Процесс подготовки за-

нимает несколько дней. Выбор одежды. Подгонка и примерка. Переодевание. Дополнительные тренировки, чтобы подтянуть и без того идеальные формы. Полноценный сон для сияющего вида.

Она получает список гостей и вычитывает его, имя за именем. Затем садится за телефон. Она проверяет, кто из них еще женат, кто только что развелся, кого можно спросить о детях, а чьих детей лучше не упоминать. Несколько имен ей не знакомы, в основном это японцы из корпораций «Сони», «Мацусита» и «Мусаси». Она выясняет о них. Откуда они – из Осаки, Токио или из глубинки, остались ли у них дома жены и дети, играют ли они в гольф или теннис. У нее потрясающая память, но тем не менее она записывает информацию на карточки.

Со всей этой суматохой я все больше отодвигаюсь на задний план. Мне даже не нужно ее отвозить: лимузины предоставляют крупные студии. Вечеринка начнется ранним вечером.

Я могу взять выходной, как это сделала миссис Маллиган, и пойти куда-нибудь по своим делам. Часть меня хочет найти какую-нибудь шлюху, смутно похожую на Мэгги: волосы того же цвета, такая же стрижка или грудь примерно той же формы и размера.

Но я этого не делаю. Я остаюсь дома, открываю бутылку бурбона и сажусь читать книгу Сунь-Цзы, которую мне подарил Ким.

Вообще-то, я перечитываю «Искусство войны» с тех пор, как Престон Гриффит дал мне экземпляр в Сайгоне в 70-м году. Гриф был сотрудником ЦРУ и курильщиком опиума. Он говорил, что с его подачи было убито много народу. Чтение Сунь-Цзы приводило его в отчаяние. Но он сказал, что такому человеку, как я, она придаст сил.

Книга была написана где-то между 480 и 221 годами до нашей эры. Это очень восточная книга, и первая попытке ее прочесть похожа на попытку вникнуть в печенье с предсказаниями. «Природа – это темнота или свет, холод или жара, а также системы времени». Или: «Те, кто уверен, что захватят то, что атакуют, атакуют места, которые не защищены». Вдобавок ко всему, каждый перевод, который вы читаете, будет отличаться от предыдущего. Поэтому вы будете думать о том, что же он на самом деле хотел сказать. Если он вообще хотел сказать хоть что-то.

Но мы были во Вьетнаме. Там у нас была огневая мощь, логистика, организация и деньги. На бумаге у нас даже была рабочая сила. И мы проигрывали генералу Гиапу, который читал Сунь-Цзы. И мы проиграли Мао Цзэдуну, который читал Сунь-Цзы. В Корее нам тоже надрали задницу генералы, читавшие Сунь-Цзы.

Поэтому, даже если он пишет как чокнутый, я должен понимать, что проблема в том, как я слушаю, а не в том, что он говорит. После того как я стал сержантом и получил свой собственный отряд, я начал использовать его учение

настолько активно, насколько мог. Это помогало мне спасать своих людей и убивать врагов. Когда у нас был капитан, который заставил нас нарушить принципы Сунь-Цзы, у нас возникли большие проблемы, и многие из нас погибли.

Мне не нравится этот перевод. Я даже возмущен им. Сунь-Цзы писал о войне. Настоящей войне. Эта книга переводит слово «война» как «стратегия» и называет себя самым популярным в мире руководством по ведению переговоров и укреплению влияния. Она адресована бизнесменам, которые хотят думать, что деловая конкуренция – это война, что юристы, бухгалтеры и агенты – это солдаты на поле боя, что деньги – это кровь, что нервный тик – это эквивалент инвалидности в госпитале для ветеранов, где кто-то тебе подтирает задницу и меняет катетер, торчащий из члена. Но если я отказываюсь слышать то, что говорят, потому что я предвзят, тогда я так же слеп, как люди, которые командовали нами во Вьетнаме. Поэтому я стараюсь слушать его, как невежда слушает мудреца.

Предложение, на которое указал Ким, звучит так: «Стратегия позиционирования уклоняется от Реальности и противостоит через Иллюзию». Она находится в шестой главе, которая в данном переводе называется «Иллюзии и реальность (использование камуфляжа)». Стандартный перевод – «Слабость и сила». В комментарии переводчика сказано: «Идея создания иллюзий для сокрытия реальности – это особый тактический маневр, направленный на то, чтобы постоянно

держат противника в невыгодном положении».

Без Мэгги в доме очень пусто.

Я стараюсь не пить и почти преуспел в этом. Я иду в кинозал и смотрю фильмы Мэгги. Бутылка идет со мной. В какой-то момент я задремываю и просыпаюсь около трех часов ночи. Мне нужно помочиться, а во рту привкус смерти. Дом по-прежнему пуст.

Вскоре после этого подъезжает машина. Не лимузин. Это Мэгги вернулась домой. Она приехала сама или кто-то ее подвез. Ждать и следить за ней – не мое дело. Это было бы плохой стратегией. Я поднимаюсь наверх, в свою комнату. Дверь оставляю открытой для лучшей слышимости и прохожу к окну, чтобы рассмотреть машину, на которой они приехали. Это белый «Ламборгини» с опущенным верхом.

Я слышу, как открывается дверь. Я слышу шаги. Затем до моей комнаты доносится ее смех. Кажется, она под кайфом. Не удержавшись, я подхожу к двери спальни и смотрю вниз. Она выглядит немного растрепанной. Я как пожилой и ревнивый муж смотрю на молодую и бойкую жену. Ее соски напряжены и торчат. Это от прохладного воздуха и поездки в открытой машине. Или из-за мужчины рядом – Джека Кушинга, который играет молодых пилотов, солдат и стрелков, много экранного времени проводя без рубашки. У него очень рельефные мышцы. Я полагаю, что он тоже в своем роде хорош собой, как и она. Он знаменит своими голубыми

глазами, а стрижется тоже у Фредо.

Они обсуждают, кто что сказал, заново переживая вечеринку. Но подтекст такой же, как и всегда. Он хочет ее, а она не уверена. Он хочет как можно скорее. Она хочет выжать из него все возможное, чтобы потешить свое самолюбие, прежде чем решиться. Очевидно, голливудские сплетни не вычеркнули Мэгги из списка лучших из лучших. Знаменитая актриса, ставшая режиссером, так набросилась на нее на вечеринке, что ее нынешняя пассия сбежала раньше времени. Кто-то, я не расслышал кто, сказал Мэгги – в присутствии Мелани Гриффит – что у нее самая красивая фигура в кино. Мелани пришла в ярость и принялась трясти сиськами перед тем, кто это сказал. Мэгги, рассказывая эту историю, уморительно подражает Мелани.

– Они правда настоящие? – спрашивает Джек.

– Еще какие, – отвечает Мэгги. – 100 % домашняя органика, без добавления консервантов.

– Я тебе не верю. Они слишком хороши. Дай-ка пощупать, – говорит он. – Знаешь ли, мои пальцы никогда не ошибаются. Им можно верить.

Мэгги говорит:

– Мне нужен океанский воздух.

Она убегает от него и выходит на террасу.

Я больше их не слышу. Я выхожу из тени своей комнаты на балкон, идущий вокруг гостиной, чтобы лучше их видеть. Ветер, дуящий с океана, играет ее волосами. Я нахожусь в

каком-то кошмарном фильме. Он встает рядом с ней и прикасается к ее волосам. Она охотно соглашается. Он кладет другую руку ей на спину, проводит по бедру. Она отодвигается. Но не далеко. Теперь они находятся бок о бок. Он поворачивается к ней лицом. Она продолжает смотреть вдаль.

Он кладет руку ей на плечо, осторожно поворачивает ее так, чтобы они смотрели прямо друг на друга. Она не смотрит ему в глаза. Он приподнимает пальцами ее подбородок. Они смотрят друг другу в глаза. Черт. Вот и все. Дальше можно кричать «снято» или переходить к самому главному.

Да, он тянется к ее губам, и она позволяет ему поцеловать себя.

Я ведь только что играл с ней эту же сцену. Черт бы ее побрал.

Затем его руки обхватывают ее, и она позволяет ему притянуть себя ближе. Ее грудь прижимается к его груди. Он чувствует, как напряглись ее соски. Ее живот прижимается к его рельефному торсу, ежедневно оттачиваемому с помощью персонального тренера. Низ ее живота, мягкая округлая часть, проверяет, встал ли его член. Она прижимается лобком к его бедру, а он нежно потирает между ее ног. Его руки ощупывают ее задницу.

Он трется о нее. Она двигается в ответ. У меня во рту пересохло, сердце сильно бьется в груди. Я должен уйти. Найти место как можно дальше. Но я не могу сделать даже один шаг назад и спрятаться в своей комнате. Я замороженно смотрю.

Он задирает ее платье. Кожа ее ног такая гладкая и светлая в лунном свете. Он целует ее шею и плечи.

Она отталкивает его. Задыхается. Ее глаза блестят, припухшие губы выглядят влажными.

Она отступает в дом. Он следует за ней. Они оставляют открытой дверь на террасу, чтобы с ними вошла ночь, обдавая прохладой лихорадочные тела. Теперь они начинают снова. Медленнее, но так же интенсивно. Совсем пьяные от секса. Я смотрю порнофильм с участием двух главных звезд Голливуда, и мне повезло, что у меня в руке нет пистолета.

Он расстегивает ее платье. Оно соскальзывает с ее плеч. Прекрасная безупречная кожа. Его губы движутся вниз по ее шее к ключице. Его руки стягивают ее платье. Она позволяет ему спустить его до талии и прикрывает грудь руками. Полуобнаженная, полузащищенная.

Теперь он опускается перед ней на колени. Спускает платье до конца. Его руки снова поднимаются вверх, лаская ее тело от лодыжек до ягодиц. Его голова подается вперед, и он начинает целовать ее живот. Она вздыхает от удовольствия. Черт возьми. Его рот пробирается ниже, к тонкой линии кружев, покрывающих ее лобок. Его язык пробирается между тканью и плотью. Ее руки лежат на его голове. Ее голова откидывается назад в предвкушении грядущих удовольствий. Ее глаза закрыты.

Потом они открываются и смотрят прямо в мои.

Бог знает, что она в них видит.

Я смотрю на нее с балкона.

– Остановись, – говорит она Джеку.

Он издает какой-то горловой звук и продолжает работать ртом.

– Остановись, – повторяет она.

Он не останавливается. Она отстраняется. Он крепко держит ее. Она проводит рукой по его лицу и отталкивает его.

– Да что с тобой такое, нахрен? – возмущается он.

– Прекрати, – отвечает она.

– Магдалена, детка, – говорит он своим самым сексуальным голосом. Он смотрит на нее. Он видит, что она смотрит не на него, а вверх. Поэтому он тоже смотрит вверх. Он видит меня.

– Это еще что за хрен?

– Мой...

– ...шофер и телохранитель, – перебиваю я.

Она стоит там с торчащими сосками, голая, в одних трусиках. Его слюна подсыхает внизу ее живота.

– Прогони его, – говорит он.

– Да, Джо. Ты должен уйти.

– Нет, – говорю я. К моему большому удивлению. Это не то, что планировалось.

– Господи, уволь этого засранца, – требует Джек.

– Я не могу, – говорит Мэгги.

– Конечно, можешь, – говорит Джек.

– Джо, – говорит она. – Уходи. Я прошу тебя.

– Хотелось бы мне, да не могу.

– Слушай, тебе же велено идти. Вот и вали. Или я тебя заставлю.

Я медленно спускаюсь по лестнице. Я должен уйти. Она не моя. Она не давала мне ни разрешения, ни приглашения. Тело Мэгги было разгоряченным. Она немного вспотела. Теперь ветерок испаряет влагу. Ее кожа покрылась мурашками. Я никогда не видел в женщине столько жизни.

– Давай, чувак, – говорит Джек.

Неожиданно для самого себя я говорю «нет».

Все в Голливуде занимаются каким-нибудь видом боевых искусств. Джек занимается тайдзюцу. Этой технике обучают в «Ниндзя» – самой модной школе боевых искусств в Лос-Анджелесе, которой руководит Сакуро Дзюдзо.

Я ниже ростом, чем Джек. Старше лет на пятнадцать-двадцать. Я выгляжу крупнее. К тому же у нас обоих мозг сейчас находится в члене. Он думает, что уделает меня атакой ниндзя, которую изучал шесть месяцев. Он принимает стойку. Идет на быстрый удар. Мэгги кричит «Нет». Я блокирую. Делаю шаг вперед. Я близко. Сильно бью его прямо в солнечное сплетение.

И все кончено.

Джек лежит на земле, задыхаясь. Я поднимаю его. Закидываю на плечо, как спасатель. Он задыхается от отчаяния. Так бывает, когда получаешь сильный удар в солнечное сплетение: он просто выбивает из тебя воздух, легкие схлопыва-

ются из-за эффекта внутреннего вакуума, и ты не можешь заставить их открыться снова. Не сразу. Пока не начнешь снова дышать, ужас не проходит. Даже если это случилось с вами раньше. А я сомневаюсь, что это когда-нибудь случилось с Джеком.

– Прекрати, – говорит Мэгги. – Ему больно, Джо. Ему правда больно.

– Нет, – говорю я. Потому что это не так. И я это знаю.

Я веду его на улицу к машине. Голая Мэгги тащится рядом со мной, и я думаю, что ей нравится эта сцена. Уж мне-то она точно нравится. Теперь. Я бросаю кинозвезду рядом с его «Порше». Он уже начинает дышать. А вот его эрекция совсем прошла.

– У тебя есть ключи от машины? – спрашиваю я.

– Пошел ты. Я убью тебя. Убью. Засужу. Ты покойник, в этом городе тебе не жить... гребаные уроды... – говорит он с земли.

– Ты простудишься, – говорю я Мэгги и веду ее обратно в дом.

Глава пятнадцатая

Был вторник. Пять вечера. Мэл Тейлор подъехал к «Маленькому Сайгону». Женщины ждали его вдвоем, болтая и смеясь в их милой, женственной вьетнамской манере.

Он снова задался вопросом, почему американки не могут быть такими: экзотичными, эротичными, изобретательными, всегда привлекательными и милыми, желающими и способными доставить мужчине истинное удовольствие – короче говоря, абсолютно покорными. Большинство людей ныли о войне. И каждый раз, когда по телевизору, в кино или в новостях, показывали ветерана, он был несчастным и безумным. Мэл таким не был. С ним произошло то, что британцы называют «хорошей войной». Годы, проведенные в Сайгоне, были во многом «лучшими годами его жизни». Без сомнения. Женщины, еда, роскошная жизнь. Во Вьетнаме он был богатым. На него работали слуги: повар, уборщица, прачка. Он был влиятельным, имел обожаемую любовницу, которую он мог просто содержать, без необходимости перед ней отчитываться или быть ей верным. Что у него было в Америке? Микроволновка, пылесос, стиральная машина и жена.

Блюда из микроволновки по вкусу не имели ничего общего с вьетнамской кухней – азиатской с французским влиянием. Пылесос не кланялся и не ставил живые цветы в спальне. Стиральная машинка не складывала и не гладила белье, а

жена толстела, считала моногамию естественным порядком вещей и совершенно не поклонялась ему.

Мэл приехал даже раньше. Всего на три-четыре минуты. Но определенно раньше. И у него был стояк, когда он вошел в салон. Это было необычно. Его еще не касались нежные маленькие бабочки, которые ловко уговаривают кровь спуститься вниз и напитать губчатые клетки пениса, заставляя его постепенно увеличиваться и твердеть. Он еще не искупался в теплом красивом ротике, где его длину могли измерить языком, зубами, щеками и горлом. По этим меркам он был таким большим и мощным, что даже опытная мама-сан⁴⁴ отступала.

Тейлор прослушивал запись. Снова и снова, в течение нескольких дней. Запись той ночи, когда Магдалена Лазло пришла домой с Джеком Кушингом, а Джо Броз его отдубасил. Ночь, когда микрофоны услышали, а подключенные к ним «Панасоники» записали звуки Магдалены Лазло, отзывающейся на похоть и страсть Джо Броза. Они занимались этим несколько часов. Возбужденные стоны, оргазмические крики, влажные звуки, разнообразные ласки, бесконечные похвалы частям тела друг друга, слова поощрения и удовлетворения.

Новый день – новая запись. Они отослали Мэри Маллиган

⁴⁴ В Юго-Восточной Азии мама-сан – это обычно женщина, занимающая авторитетное положение, особенно та, которая отвечает за дом гейш, бар или ночной клуб.

и снова занялись делом. В первый день они начали жестко и быстро, а закончили чувственно и медленно, с сонными ласками. Во второй они начали медленно и нежно, но вскоре раззадорились и превратились в животных, кряхтящих и – Тейлор мог поклясться, что почувствовал это на записи, – потеющих.

Где-то в середине – Тейлор не знал, почему он запомнил это, заикнулся на этом. Может быть, потому, что это было так неожиданно среди всех этих стонов и вздохов. Яркость – как у детской пластмассовой игрушки. Мультяшные цвета посреди пейзажа телесного цвета. Где-то в середине, хихикая, Мэгги сказала:

– Знаешь, Джо, что лучше всего в том, чтобы быть твоей любовницей?

– Нет. Что?

– Подбирать тебе наряды.

– Ой, ну не-е-ет.

– Начнем с твоих спортивных носков. Больше никаких белых носков, разве что для бега. Потом мы подберем тебе нижнее белье, галстуки, рубашки, брюки, туфли, и я попрошу Фредо сделать что-нибудь с твоей прической.

Этим они теперь и занимались. Тейлор это знал. Они наконец-то покинули дом, после двух дней, проведенных за закрытыми дверями, если не считать пробежки по пляжу и плескания в море. За ними следила команда из двух человек. В последний раз они рапортовали о том, что в 14:00

Мэгги отвела Джо в эксклюзивный мужской магазин на Родео-драйв.

Тейлор разделся, бросив одежду на стул в углу. Мама-сан аккуратно сложила ее. Дочка-сан уставилась на его член с почтительным благоговением. Он подошел к массажному столу. При каждом шаге его напряженный пенис подпрыгивал и покачивался из стороны в сторону, очерчивая овал, наклоненный вправо и более широкий снизу, чем сверху. Тейлор улегся на стол.

Мама-сан поспешила подать ему бренди. Он отхлебнул его, почувствовал жжение и откинул голову на подушку. Простыня под ним была чистой, хрустящей и теплой, почти как температура его тела.

– Какой вы сегодня сильный, капитан Тейлор. Очень сильный, – сказала дочь. Он учился в Корпусе подготовки офицеров запаса, пошел в армию лейтенантом, а во Вьетнаме дослужился до звания капитана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.